

Биография КРИШНАМУРТИ

Пупул Джаякар

ВОСПОМИНАНИЯ АВТОРА
СВИДЕТЕЛЬСТВА ДРУЗЕЙ
БЕСЕДЫ С БЛИЗКИМ ОКРУЖЕНИЕМ

Пупул Джаякар
Биография Кришнамурти

«ИД Ганга»

1986

УДК 9
ББК 63

Джаякар П.

Биография Кришнамурти / П. Джаякар — «ИД Ганга», 1986

ISBN 978-5-9908762-7-9

Джидду Кришнамурти – один из наиболее выдающихся духовных учителей XX века, человек, отказавшийся от роли мессии из любви к истине, которую назвал «страной без дорог». История жизни Кришнамурти была бы почти невероятной, если бы не была правдой, с особой тщательностью записанной рукой выдающегося деятеля культуры Индии Пупул Джаякар, близко знавшей Кришнамурти почти сорок лет. Особый интерес представляют свидетельства того загадочного психофизического процесса, через который Кришнамурти проходил на протяжении почти всей своей жизни, а особую ценность – его беседы с близким окружением (они занимают около трети всей книги). Эта книга – не просто биография очень необычного человека, читающаяся на одном дыхании, но и своего рода ключ к более глубокому пониманию учения Кришнамурти, к тому, что он собой представлял.

УДК 9
ББК 63

ISBN 978-5-9908762-7-9

© Джаякар П., 1986
© ИД Ганга, 1986

Содержание

Предисловие	6
Песня в дар несвободной птице	8
Часть 1	17
1. Человек рождается в пространстве и человек рождается в пространство	17
2. Теософское общество и оккультная иерархия	22
3. Сон: «Ты ли это, Владыка мой?»	29
4. «Мама, пожалуйста, прикоснись к моему лицу. Оно еще на месте?»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пупул Джаякар
Биография Кришнамурти. Воспоминания
автора, свидетельства друзей,
беседы с близким окружением

*Издательство сердечно благодарит Сергея Брюховича за
бескорыстную помощь в издании книг Дж. Кришнамурти*

Посвящая Кришнаджси с глубочайшим почтением

Pupul Jayakar
KRISHNAMURTI
A Biography

*Перевод с английского Евгения Мирошниченко
Редактор Константин Кравчук*

© Copyright. 1986 by Pupul Jayakar

© Издательский Дом «Ганга». Перевод, оформление, 2016

Предисловие

В конце 1950-х годов Кришнаджи – под этим именем Кришнамурти известен в Индии, а также среди его друзей по всему миру – предложил мне написать книгу о его жизни, опираясь на записи, которые я вела с той поры, как познакомилась с ним в 1948 году. Я начала писать эту книгу в 1978 году.

Я попыталась описать Кришнамурти как человека и учителя, рассказав о его взаимоотношениях с многочисленными мужчинами и женщинами, являвшимися неотъемлемой частью образа Индии в свое время. Книга уделяет основное внимание жизни Кришнамурти в Индии между 1947 и 1985 годами, но мне потребовалось также внести сюда и описание более ранних его лет, ибо рассказ о юности Кришнамурти составляет совершенно необходимый фон для повествования. Также в книгу включены некоторые материалы, никогда прежде не публиковавшиеся.

Скоро читатель заметит, что я называю Кришнамурти несколькими разными именами. Молодого Кришнамурти я называю Кришной, ибо именно под этим именем он был известен на раннем этапе своей жизни; а начиная с 1947 года, я называю его Кришнаджи, ибо на тот момент он для меня уже был великим учителем и провидцем. «Джи» – это суффикс, добавляемый к именам мужчин и женщин в Северной Индии, чтобы подчеркнуть уважение к ним говорящего. В традиционных семьях эту частицу добавляют даже к именам детей, ибо считается неуважительным обращаться к человеку просто по имени. Нужно полагать, что именно Анни Безант – учитывая ее тесную связь с Варанаси – первой стала прибавлять к имени Кришны частичку «джи», чтобы подчеркнуть свою нежность и уважение к этому человеку.

Большинство религиозных учителей в Индии используют те или иные титулы, предваряющие имя, такие как Махариши, Ачарья, Свами или Бхагван. Кришнаджи никогда не принимал такого титула. В своих диалогах и в своих дневниках Кришнаджи называл себя «К» либо же безличным «мы», чтобы подчеркнуть отсутствие «я», отсутствие эго, отсутствие ощущения обособленности. Поэтому и в данной книге, говоря о нем как о человеке и учителе вне контекста межличностных взаимоотношений, я буду называть его Кришнамурти или просто К.

Кришнаджи согласился вести со мной диалоги, которые составили часть этой книги. Большая часть текста составлена на основании моих записей, сделанных во время наших бесед и диалогов или сразу после них. Начиная с 1972 года, я записывала некоторые диалоги на пленку, а затем уже переносила их на бумагу.

Некоторые эпизоды, описанные в книге – то, что касается его встреч с Индирой Ганди или его взаимоотношений с Анни Безант, – могли содержать некоторые противоречия. Поэтому я прочла соответствующие главы Кришнамурти вслух, чтобы он мог их прокомментировать. А главу, посвященную его встрече с Индирой Ганди, я отослала самой Индире, и она предложила некоторые незначительные изменения в тексте, которые я внесла.

Я хочу выразить свою глубочайшую благодарность следующим людям и организациям. Шри Радживу Ганди за то, что он любезно позволил мне включить в данную книгу письма Индиры Ганди. Английскому Фонду Кришнамурти за дозволение опубликовать диалоги, которые состоялись между мною и Кришнамурти в Броквуд Парк. Индийскому Фонду Кришнамурти за дозволение опубликовать диалоги и беседы, состоявшиеся в Индии. Шримати Радхе Бёрнье, президенту Теософского общества, за ее доброту и содействие в доступе к архивным материалам Теософского общества. Шри Ачьюту Патвардхану за многочисленные беседы. Шримати Шунанде Патвардхан за то, что позволила мне воспользоваться ее личными записями и документами. Моей дочери Радхике и ее мужу Гансу Херцбергеру за их критические замечания. Шри Мурли Рао за то, что обратил мое внимание на некоторые рукописи. А также многим другим друзьям, которые делились со мной своими знаниями и опытом. И еще я

хочу выразить признательность Шри Ашоку Датту за его дружбу и за колоссальную помощь в деле публикации данной книги; мистеру Клэйтону Карлсону из издательства Harper & Row за ценные советы, интерес и поддержку; Шри Беною Саркару за помощь при работе с фото-материалами; Национальному институту дизайна в Ахмедабаде; наследникам Миттера Беди; Аситу Чандмалу; Марку Эдвардсу и А. Хамиду за позволение использовать сделанные ими фотоснимки; А. В. Джоузу за поддержку и наставничество; М. Джанардханану за терпеливую помощь при подготовке рукописи.

Песня в дар несвободной птице

Пробудись и встань.

Приблизившись к великому учителю, учись.

Дорога трудна.

Путь по ней – как по отточенному лезвию бритвы.

Катха-упанишада III

Я познакомилась с Кришнамурти в январе 1948 года. Мне было тридцать два, и я жила в Бомбее, куда переехала в 1937 году, выйдя замуж за Манмохана Джайкара. Моя дочь Радхика – единственный ребенок – родилась через год после переезда.

За пять месяцев до нашего знакомства Индия обрела независимость, и я отчетливо видела открывшиеся перед нами радужные перспективы. Меня неудержимо влекло в политику. Это было время, когда мужчины и женщины, участвовавшие в освободительной борьбе, стали активно включаться в программы социального и общественного строительства, запущенные Махатмой Ганди. Они охватывали все аспекты формирования государства. Особое внимание уделяли обустройству сельской жизни. Уже в 1941 году я с головой окунулась в организаторскую деятельность по обеспечению благосостояния деревенских женщин – мы создавали кооперативы, поддерживали кустарные промыслы. Для меня процесс присоединения к этому движению проходил жестко и болезненно. Свобода, наступившая после разделения страны, застала меня в самой гуще деятельности крупнейшей Бомбейской организации, осуществлявшей помощь беженцам, хлынувшим в страну из Пакистана.

Одним воскресным утром я отправилась навестить свою мать, жившую в Малабар-Хилл в Бомбее, в старом грубо сколоченном бунгало, крытом кустарной черепицей. В гостях у мамы я застала ее сестру Нандини, обе как раз собрались уходить. Они поведали, что в гости к маме приехал Санджива Рао, бывший однокашником моего отца в кембриджском Кингз-Колледже. Он отметил, что даже через несколько лет после кончины отца моя мама все еще безутешно скорбит об умершем муже. Санджива посоветовал маме повидать Кришнамурти, надеясь, что тот сможет ее утешить. В памяти тут же всплыл образ из середины 1920-х годов – школа в Варанаси¹, где я училась. Именно тогда я впервые увидела Кришнамурти. То был очень молодой, красивый и изящный человек в белых одеждах. Он сидел, скрестив ноги, а я вместе с пятью десятками других детишек возлагала перед ним цветы.

Тем утром у меня особых дел не было, так что я решила присоединиться к маме. Когда мы подошли к дому Ратанси Морарджи на Кармайкл-роуд, где остановился Кришнамурти, я встретила у входных дверей Ачьюта Патвардхана. В последние годы он сделался революционером и борцом за свободу, но я была знакома этим человеком еще с 1920-х годов, когда мы оба были детьми в Варанаси. Перекинувшись несколькими словами, мы направились в гостиную, ожидать встречи с Кришнамурти.

Кришнамурти безмолвно вошел в помещение, и все мои чувства всколыхнулись. Я вдруг отчетливо ощутила безмерность и сияние этого человека. Он заполнил своим присутствием всю комнату и на какой-то миг сразил меня. Все, что я могла, – смотреть на него.

Нандини представила мою маленькую хрупкую маму, а затем и меня. Мы расселись. Несколько неуверенно мама начала рассказывать об отце, о своей любви к нему, о безмерном

---

¹ Также Бенарес (название времен английского владычества) и Каши. Город в северо-восточной Индии (штат Уттар-Прадеш), имеющий для индусов такое же значение, как Ватикан для католиков; средоточие брахманской учёности. Считается святым городом для буддистов и джайнов, наиболее святым местом в мире в индуизме. Один из старейших городов мира и, возможно, старейший в Индии. – *Прим. ред.*

чувстве утраты, с которой, казалось, она просто не могла примириться. Она спросила Кришнамурти, суждено ли ей встретить отца в следующем мире. Интенсивность повышенного восприятия, которую поначалу пробудило во мне его присутствие, стала понемногу утихать, я расслабленно откинулась назад и приготовилась выслушать утешительный ответ этого человека. Я знала, что к нему приходит много объятых скорбью людей, и предполагала, что ему ведомы слова, способные даровать покой.

Он же резко проговорил:

– Простите, мэм, вы обратились не по адресу. Я не могу дать вам желанное утешение, – от неожиданности я вся подобралась и подалась вперед. – Вам хочется, чтобы я сказал, что после смерти вы встретите своего мужа, но какого именно мужа вы хотите видеть? Того ли, кто женился на вас? Или того, кто разделил с вами молодые годы? Или того, кто умер? Или же того, каким он стал бы сейчас, если бы был еще жив? – Кришнамурти сделал паузу. На несколько мгновений в зале воцарилась тишина. – Так с каким же мужем вы хотите увидеться? Ибо, умирая, он, вне всяких сомнений, был не тем же человеком, кто на вас женился.

Я ощутила, как натянулась пружина моего ума, активизируя внимание. В этих словах была необычайно богатая пища для размышлений. Моя мама явно растерялась. Она совсем не готова была к мысли, что время могло радикально менять того мужчину, которого она любила.

– Но мой муж не менялся, – сказала она.

– Почему вы хотите с ним увидеться? – спросил Кришнамурти. – Ведь вы скучаете не по мужу, а по своим воспоминаниям о нем.

Он снова сделал паузу, чтобы его слова проникли как можно глубже.

– Простите меня, мэм, – Кришнамурти сложил перед собой ладони, и я осознала, насколько безупречны его жесты, – почему вы хотите, чтобы воспоминания о нем оставались живы? Зачем вам воссоздавать его в своем сознании? Почему вы стараетесь жить в печали и лелеете свою скорбь?

Я ощутила, как обострились мои чувства. Он отвергал доброту в привычной нам форме, и это потрясло. Мой ум совершил огромный скачок, постигая, насколько верны и точны его слова. Я ощутила, что вступаю в соприкосновение с чем-то необъятным и совершенно новым. Хотя слова его звучали жестко, глаза лучились добротой, а от всего существа распространялась целительная сила. Произнося последние слова, он взял мать за руку.

Нандини заметила мамину растерянность и тревогу. Она поспешила сменить тему и завела с Кришнамурти беседу о других членах нашей семьи. Она рассказала ему, что я работаю в социальной сфере и интересуюсь политикой. Очень серьезно он обратил взор на меня и спросил, почему я решила заниматься социальной работой. Я ответила, что это дело помогает мне чувствовать свою жизнь более наполненной. Он улыбнулся, и от улыбки этой мне сделалось тревожно и неудобно.

Затем он сказал:

– Мы подобны человеку, который пытается наполнить дырявое ведро. Сколько бы воды он ни лил, все вытекает наружу – ведро так и остается пустым.

Кришнамурти глядел на меня без нажима. Он проговорил:

– От чего вы пытаетесь скрыться? Социальная работа, удовольствия, скорбь – не есть ли все это только лазейки, чтобы сбежать от жизни, способы заполнить внутреннюю пустоту? Но возможно ли вообще эту пустоту заполнить? Между тем именно на ее заполнение нацелен весь процесс существования.

Эти слова внушали мне беспокойство, но я чувствовала, что должна глубоко их обдумать. Для меня жизнь означала действие, а то, что сказал он, казалось непостижимым. Я спросила, не призывает ли он меня сидеть дома и ничего не делать. Он внимательно слушал мои возражения, и у меня было чувство, что это его вслушивание в мои слова в корне отличается от всего,

что я когда-либо ощущала или переживала. В ответ на мой вопрос он улыбнулся, и комната наполнилась. Вскоре после этого мы ушли. На прощание он сказал мне:

– Мы еще увидимся.

Эта встреча меня очень взволновала. Я лишилась сна, в моем уме то и дело оживали его слова. Через некоторое время я стала ходить на беседы, которые он проводил в парке сэра Чунилала Мехты, свекра Нандини. Я с трудом понимала все то, что говорил Кришнамурти, но его присутствие оказывало на меня ошеломляющее воздействие, поэтому я продолжала ходить туда. Он говорил, что хаос, царящий в мире, – проекция индивидуального хаоса. Он утверждал, что любые организации и любые «измы» всегда терпели поражение и что в погоне за безопасностью мы строим все новые организации, которые тоже не оправдывают наших надежд.

У меня было ощущение, что мне не удастся соприкоснуться с ним на том уровне, на котором он говорит. Через несколько дней я попросила о встрече.

Мною владело желание быть с ним, желание, чтобы он меня заметил, желание проникнуть в ту тайну, которая пронизывала все его присутствие. Я боялась того, что может случиться, и все же не могла держаться в стороне. В течение двух дней до назначенной встречи с ним я все думала, что ему скажу и как скажу. Когда я вошла в комнату, Кришнамурти сидел на полу, скрестив ноги и выпрямив спину. На нем была безупречно белая *курта* чуть ниже колен. Он проворно встал на ноги, сложив свои белые, похожие на лепестки пальцы в приветственном жесте. Я уселась лицом к нему. Заметив, что я нервничаю, Кришнамурти попросил меня успокоиться.

После небольшой паузы я начала говорить. Я всегда отличалась уверенностью в себе, поэтому, несмотря на замешательство, вскоре заметила, что говорю нормально – из меня полилось все то, что я и намеревалась высказать. Я говорила о той наполненности смыслом, которая есть в моей жизни и моей работе; о том, насколько заботят меня судьбы обездоленных; о желании войти в политику; о своей работе в кооперативном движении; о глубоком интересе к искусству. Я была полностью поглощена тем, что хотела высказать, и тем впечатлением, которое пыталась произвести. Однако через несколько минут у меня возникло неприятное ощущение, что он не слушает. Я подняла взгляд и обнаружила, что он пристально смотрит на меня. Его глаза вопрошали и глубоко прощупывали. Я запнулась и умолкла. Выдержав паузу, он сказал:

– Я видел вас на своих беседах. Во время перерывов ваше лицо делается очень грустным.

Я забыла все, что собиралась сказать, забыла обо всем, кроме этой печали внутри. Я всегда запрещала этой боли выйти наружу. Она была погребена так глубоко, что почти никогда даже не соприкасалась с уровнем сознания. Меня пугала сама мысль о том, что другие люди станут проявлять ко мне жалость и сочувствие, и поэтому я скрывала свою печаль под толстым панцирем агрессивного напора. Я никогда ни с кем об этом не говорила, даже самой себе не признавалась в том, сколь я одинока. Но перед этим молчаливым и, в сущности, чужим мне человеком все маски просто разлетелись. Я вгляделась в его лицо и увидела свое собственное отражение. Словно прорвав плотину, наружу хлынули слова, так долго не находившие выхода.

Я вспомнила себя ребенком – одной из пятерых детей. Тихая и скромная, я исключительно болезненно реагировала на малейшие проявления черствости. У всех в нашей семье была довольно светлая кожа ², а мне досталась смуглая, и никто не обращал на меня внимания. Родившись девочкой, хотя должна бы быть мальчиком, я жила в большом бестолково спланированном доме, где проводила долгие часы в одиночестве, читая книги, которые редко бывали мне понятны. Вспомнила, как сиживала на длинной веранде, глядя на вековые деревья, и слу-

---

² В Индии светлая кожа зачастую является предметом зависти, особенно у женщин. Считается, что светлая кожа индусов или индусок указывает на благородство их происхождения, поскольку представители высших каст – потомки светлокожих ариев. – *Прим. ред.*

шала сказки о великанах и героях, о Хатим-Тае и Али-Бабе – устные предания нашей древней страны в исполнении седобородого портного Иммамуддина, мусульманина, который целыми днями работал на веранде за своей швейной машинкой. Вспомнила, как наш слепой слуга Рам Кхилаван летним днем распевал «Рамчаритаманасу»³ Тулсидаса, обмахивая нас опахалом *пунках*⁴, вздымавшим свежий аромат влажных занавесей, сплетенных из ветивера. Вспомнила, как ходила на прогулки с моей ирландской гувернанткой. Она говорила мне, как называются разные цветы и травы, и я с глубочайшим наслаждением слушала ее рассказы о британских королях и королевах, об Артуре и Гиневре, о Генрихе VIII и Анне Болейн. С куклами я никогда не играла и с другими детьми водилась мало. А еще я вспомнила, как боялась отца, но втайне восхищалась им.

Вспомнила, как в одиннадцать лет в лоне моем стали впервые распускаться бутоны, а вместе с ними пришли первые кровотечения, и началось чудотворное цветение женственности. Взросление пьянило мою юную душу. Хотелось внушать восторг, хотелось жить в полную силу: мчаться верхом, плавать в море, играть в теннис, танцевать. С неистовым самозабвением я бросилась в объятия жизни.

Вспомнила, как отправилась в Англию в колледж и каким пиром для ума стало для меня обучение. Вспомнила, как повстречала своего мужа и вернулась в Индию, как вышла замуж и родила дочь Радхику.

Вскоре я отринула роль домохозяйки – это было неизбежно. Я с головой погрузилась в общественную деятельность, а еще играла в бридж и покер при высочайших ставках, я срослась с самым сердцем интеллектуальной и светской жизни Бомбея. Затем вторая беременность. Приступ эклампсии на седьмом месяце – жестокие судороги и полная слепота.

Я вспомнила опустошающую пытку тьмой и грозовые вспышки цвета: небесная лазурь, цвет птицы нилкантхи⁵, цвет голубого пламени. Мозг обессилел от судорог тела, сердце незримо ребенка перестало биться, лоно погрузилось в свинцовую смертную тишь. Сквозь туман возвращалось зрение: серые точки сливались воедино, образуя формы.

Мой ум приостановился, слова иссякли, и я снова взглянула на прекрасного незнакомца. Но очень скоро во мне пробудилась мучительная память о смерти любимого отца, и я вновь залилась слезами, объята нестерпимой болью.

Словам не было конца. Я рассказывала о многочисленных ранах, которые нанесла мне жизнь, о борьбе за выживание, о созревающей во мне жестокости, о медленном зачерствении, об агрессии и честолюбии. Какая-то внутренняя тяга – жажда успеха. Потом еще одна беременность, рождение дочурки – очень красивое личико, но тело калеки. Пучина боли и новая смерть ребенка. Восемь лет бесплодия: бесплодный ум, бесплодное сердце, бесплодное лоно, а потом смерть.

Рядом с ним пробудилось и вдруг обрело форму мое прошлое, сокрытое во тьме и надолго канувшее в забвение. Он был зеркалом. Полное отсутствие личности, отсутствие оценщика, склонного взвешивать и искажать. Я пыталась сохранить в тайне что-то из своего прошлого, но он не дал мне сделать это. Наряду с безличностью в этом поле сострадания была какая-то безмерная сила. Он сказал: «Я способен видеть, если вы этого хотите». Итак, я выго-

---

³ «Рамчаритаманаса» – история Рамы и Зиты из «Рамаяны», пересказанная поэтом Тулсидасом на народном языке и изложенная в виде поэмы, состоящей из четверостиший.

⁴ До того как в Индии распространилось электричество, в индийских домах было принято подвешивать к высокому потолку длинную палку, к которой прикрепляли отрез плотной ткани. К палке привязывали веревку, которая через отверстие в стене шла на веранду, где сидел слуга. Слуга дергал за веревку, и занавес колыхался, порождая легкий свежий ветерок в невыносимо жарком воздухе северо-индийского лета. На дверях и окнах вешали пахучие плотные занавеси, сплетенные из ветивера. Если эти занавеси увлажнить, то горячий воздух, проходя через них, превращается в прохладный ароматный ветерок.

⁵ Бенгальская сизоворонка (*Coracias benghalensis*) – птица из семейства сизоворонковых, проживающая в южной части азиатских тропиков. – *Прим. ред.*

ворила те слова, которые терзали меня год за годом. Говорить их было нестерпимо больно, но он слушал так, как слушают ветра, как слушают бескрайние воды.

Я пробыла с Кришнаджи⁶ два часа. Когда я покидала комнату, тело мое было измотано, но вместе с тем через меня прошел целительный поток. Я соприкоснулась с новым способом наблюдать, с новым способом слушать – слушать, не реагируя, что становится возможным благодаря отстраненности и глубине. Когда я говорила с ним, было ясно, что он осознает не только то, что сказано – слова, жесты, настроения, – но и все то, что происходит вокруг: пение птицы в ветвях дерева за окном, падение цветка, сорвавшегося со стебля, стоящего в вазе. В какой-то момент он произнес, прервав мои стенания: «Вы заметили, как упал этот цветок?» Мой ум замер, потрясенный.

Я ходила послушать Кришнамурти в течение нескольких дней; ходила на его беседы, обдумывала сказанное и обсуждала с друзьями. Вечером 30 января, когда мы все собрались вокруг него в доме у Ратанси Морарджи, кто-то позвонил Ачьюту по телефону. Когда он вернулся, его лицо было бледным, как пепел.

– Гандиджи убит... – сказал он.

На миг время остановилось. Кришнаджи застыл в неподвижности. Казалось, он отчетливо осознает каждого из нас и наши реакции. В наших головах синхронно возникла одна мысль: был ли убийца индуистом или мусульманином? Рао, брат Ачьюта, спросил: «Известно ли что-то об убийце?»

Ачют ответил, что он не знает. Нам всем было очевидно, каких последствий нужно ожидать, если убийца окажется мусульманином. Мы молча встали и один за другим покинули комнату.

Город облетела весть, что Ганди убит брахманом из Пуны. В Пуне начались массовые беспорядки, направленные против брахманов. Мы слышали, как с облегчением шептались между собой мусульмане. Джавахарлал Неру выступил с обращением к нации, и его слова были преисполнены боли. Вся страна замерла в оцепенении. Случилось немыслимое, и в первые мгновения растерянные мужчины и женщины пытались бороться с отчаянием.

1 февраля люди пришли послушать Кришнаджи. Все собравшиеся были какими-то необычно притихшими. Ему задали трудный вопрос:

– Каковы истинные причины безвременной гибели Махатмы Ганди?

Кришнаджи ответил:

– Хотел бы я знать, как вы отреагировали на эту новость. Каков был ваш отклик? Восприняли ли вы это событие как личную потерю либо же увидели в нем указание на некие всемирные тенденции? Мировые события – это не разрозненные случайности, они взаимосвязаны. Истинная причина безвременной гибели Гандиджи кроется в вас. Истинная причина – вы. Разделяясь на общины, вы потакаете духу разделения – через собственность, через касты, через идеологии, религии, секты, следование различным лидерам. Когда вы называете себя индуистами, мусульманами, парсами или бог знает кем еще, это неизбежно ведет к возникновению конфликтов в мире.

В течение многих дней после того мы говорили о насилии – о его корнях и о том, как с ним покончить. По мнению Кришнаджи, идеал ненасилия – иллюзия. В реальности у нас есть факт присутствия насилия, повышение уровня сознания, понимающего природу насилия, и прекращение насилия в момент «сейчас» – в настоящем моменте существования, где только и возможно действие.

В последующих беседах он говорил о повседневных проблемах, с которыми сталкивается человечество: страхе, гневе, зависти, неистовой тяге к обладанию. Беседуя о взаимоотношениях как о зеркале самопостижения, он обращался к примеру союза между мужем и женой

---

⁶ О различных вариантах имени Кришнамурти, которые я использую в этой книге, я рассказала в предисловии.

– самых интимных отношений, но в то же время нередко самых бесчувственных и лицемерных. Во время таких бесед мужа смотрели на своих жен со смущением и растерянностью. А некоторые последователи традиционного индуизма просто покидали зал: им было непонятно, почему в религиозной беседе мы обращаемся к вопросу о взаимоотношениях между мужем и женой. Кришнаджи отказывался отходить от «того, что есть» – от фактически существующего; отказывался обсуждать такие абстракции, как Бог или вечность, сосредоточивая внимание на том, что наш ум является неистовым вихрем страсти, ненависти и зависти. Именно в этот период некоторые из его слушателей стали предполагать, что он не верит в Бога.

В середине февраля я снова пришла на встречу с ним. Кришнамурти спросил, заметила ли я какие-то изменения в своем мыслительном процессе. Я ответила, что во мне не роится столько мыслей, как прежде. Мой ум перестал быть таким неугомонным.

– Если вы экспериментировали с самопознанием, то должны были заметить, что ваш мыслительный процесс замедлился, ваш ум прекратил неустанные блуждания, – произнес он и погрузился в молчание. Я терпеливо ждала, что он скажет дальше. – Попробуйте прорабатывать каждую мысль до ее полного завершения, доводите ее до самого конца. Вы обнаружите, что это очень сложно, ибо, как только одна мысль является на свет, за ней немедленно торопится другая. Ум отказывается завершать мысль. Он сбегает, перескакивая от мысли к мысли.

Так и есть. Когда я пыталась следовать за своей мыслью, то неизменно убеждалась, что она проворно старается убежать от наблюдателя. Тогда я спросила, каким образом человек может завершить мысль, и Кришнаджи ответил:

– Мысль может прийти к завершению лишь тогда, когда мыслитель поймет себя, когда он увидит, что мыслитель и мысль не есть два отличных друг от друга процесса. Мыслитель и есть мысль, но он отделяет себя от мысли, чтобы защитить себя, чтобы продлить свое существование. Поэтому мыслитель постоянно вырабатывает мысль, которая непрерывно преобразуется и меняется.

Он помолчал.

– Отделен ли мыслитель от мысли? – Кришнаджи делал продолжительные паузы между предложениями, словно бы для того, чтобы слова его могли пройти как можно дальше вперед и вглубь. – Устраните мысль, и где будет мыслитель? Вы обнаружите, что мыслителя нет. Поэтому, когда вы доводите любую мысль до конца, хорошего или плохого, – а сделать это чрезвычайно трудно, – ум замедляется. Чтобы понять «я», нужно пронаблюдать это самое «я» в действии, что возможно лишь тогда, когда ум замедляется, а это осуществимо лишь в том случае, если вы доводите каждую возникающую мысль до самого ее конца. И тогда вы увидите, что все ваши проклятия, желания, ревность и зависть – все это полностью обнажается перед лицом сознания, пустого и абсолютно безмолвного.

В результате того, что я слушала Кришнаджи в течение последнего месяца, мой ум стал пластичнее. Его наслоения утратили свой рисунок и твердость. Я спросила:

– Но если сознание наполнено предрассудками, желаниями и воспоминаниями, может ли оно тогда постичь мысль?

– Нет, – был ответ, – ибо оно постоянно руководствуется мыслью в своей деятельности: бежит от нее или опирается на нее, – он снова погрузился в молчание. – Если следовать за мыслью до ее завершения, вы увидите, что в ее конце – тишина. Оттуда начинается обновление. Рождающаяся из этой тишины мысль уже не движима желанием, она возникает из состояния, не замутненного воспоминаниями.

Но, опять таки, если мысль, рожденная таким образом, не завершена, от нее остается некий остаток. Тогда обновления нет, и ум снова оказывается в плену у сознания, которое есть воспоминание, пребывающее в плену у прошлого – у вчерашнего дня. Каждая мысль, одна за другой, представляет собой вчерашний день – нечто нереальное.

Новый подход заключается в том, чтобы завершить время, – заключил Кришнаджи. Я не поняла этих слов, но они продолжали звучать во мне и после того, как встреча завершилась.

Мы с Нандини иногда брали Кришнаджи с собой, когда ездили кататься в Висячие Сады в Малабар-Хилл или на пляж Уорли. Иногда мы совершали с ним и пешие прогулки, но нам было сложно поспевать за его широким шагом. А иногда он уходил погулять один на часок и по возвращении казался нам незнакомцем. Во время совместных прогулок он порой рассказывал нам о своей молодости, о жизни в Теософском обществе и о днях, проведенных в Охае (Калифорния). Он рассказывал о своем брате Нитье, о своих друзьях Раджагопале и Розалин и о школе «Счастливая долина». Часто, когда Кришнаджи рассказывал о прошлом, память его была точна и безошибочна. В иные моменты прошлое скрывалось в сумраке, и он говорил, что не может вспомнить что-то. Он много улыбался, смех его был глубоким и звонким. Он рассказывал смешные истории, расспрашивал у нас о детстве и юности. А еще он говорил об Индии, с живым интересом стараясь понять наши взгляды, то, что мы думаем о происходящем в стране. Мы же не могли избавиться от чувства растерянности и смущения: в нем было столько тайны и переполняющего присутствия, что нам было трудно вести себя непринужденно, мы боялись, что наши речи будут лишком банальны. Но смех его помогал нам стать ближе.

Порой мы обсуждали мышление. Он спрашивал: «Наблюдали ли вы за рождением мысли? Наблюдали ее окончание?»

А еще он говорил: «Возьмите мысль, останьтесь с ней, удержите ее в сознании, и вы увидите, насколько это трудно – удерживать мысль в том виде, в каком она есть, до самого окончания этой мысли».

Я сказала Кришнамурти, что после знакомства с ним я стала совершать утренние прогулки без мыслей – через мой ум протекало лишь пение птиц и отдаленный шум улицы.

В сознании индийца присутствует один чрезвычайно насыщенный символ: незнакомец с прямой спиной, нищенствующий монах, стоящий у дверей дома и разума, приглашающий нас в иную реальность. Он пробуждает в светском человеке – будь то мужчина или женщина – неутолимую жажду, тоску, физическую и душевную тягу к недостижимому. Но этот провидец непринужденно шутил и смеялся, ходил вместе с нами на прогулки, он был совсем рядом и в то же время очень далеко. Мы нерешительно пригласили его на ужин в дом нашей матери.

Он пришел к ней в дом с улыбкой, одетый в *дхоти*, длинную *курту* и *ангавастрам*⁷. Наша маленькая хрупкая мать встречала его с цветами. Мама не получила формального образования, но обладала от природы утонченным умом, врожденным достоинством и изяществом, что вполне позволяло ей общаться с Кришнаджи. Она была вдовой важного индийского чиновника. Пока отец был жив, она в полной мере разделяла его интеллектуальные интересы и активно участвовала в светской жизни, общаясь с учеными и общественными деятелями. Она и сама проявляла завидную общественную активность. Целеустремленная и проникательная, наша мать довольно рано вырвалась за рамки традиционной роли, отведенной женщине в браке. Она свободно говорила по-английски, неизменно становилась душой любого праздника и умела восхитительно готовить. Когда я была маленькой, у нас дома работало два повара: один готовил гуджаратские вегетарианские блюда, а второй – блюда западной кухни. За столом нам прислуживал лакей с Гоа. Смерть отца глубоко потрясла мою мать, но дом ее все еще полнился

---

⁷ *Дхоти* – отрез домотканого хлопкового полотна шириной в 45 дюймов и длиной в 5 ярдов (≈115×450 см.), без швов, с простой окантовкой бордового или черного цвета. Дхоти оборачивают вокруг талии, один конец выкладывают складками впереди, а другой пропускают между ног и заправляют за пояс сзади так, чтобы отрез ткани свисал приблизительно до уровня колен. Это вполне обыденная светская одежда, которая также используется в официальных случаях. *Курта* представляет собой свободную рубаху ниже колен без воротника с длинными рукавами. *Ангавастрам* – платок из неотбеленного домотканого хлопкового полотна с темно-красным, темно-синим или черным кантом и золотой вышивкой. Этот платок особым образом сворачивают и носят через плечо. Официальный наряд, особенно распространенный в Южной Индии.

смехом, к которому присоединился и смех Кришнаджи. Очень скоро он стал чувствовать себя тут как дома и частенько захаживал на ужин. К концу марта мы уже могли разговаривать с ним вполне непринужденно, однако после каждой такой беседы с новой силой осознавали разделяющую нас дистанцию и окружающую Кришнаджи тайну, которую мы не могли ни постичь, ни даже прикоснуться к ней.

Где-то в конце марта я рассказала Кришнаджи о состоянии моего ума и о преследовавших меня мыслях; о моментах покоя и о припадках лихорадочной деятельности; о тех днях, когда ум мой был терзаем болезненным ощущением тупика и застоя. Эти непрестанные метания ума приводили меня в смятение.

Кришнаджи взял меня за руку и некоторое время мы просто спокойно сидели рядом. Наконец, он молвил:

– Вы так возбуждены. Почему? – я не знала, что ответить, и просто сидела, не произнося ни слова. – Откуда у вас эти амбиции? Вы хотите походить на кого-то, кого знаете? На кого-то, кто многого достиг?

– Нет, – ответила я после некоторых колебаний.

– У вас замечательный мозг, – продолжал он, – отличный инструмент, но вы его не используете должным образом. У вас есть порывы, но они направлены не в ту сторону. Откуда эти амбиции? Чего вы хотите достичь? Зачем транжирить силы своего мозга?

Я вдруг насторожилась.

– Вы спрашиваете, откуда амбиции? Такова уж я есть, что тут поделаться? Я занята делами, пытаюсь чего-то добиться. Не могут же все быть такими, как вы.

В его взгляде проскользнула ирония. Некоторое время Кришнамурти молчал, давая время, чтобы могло проявиться все то, что во мне дремало. Потом спросил:

– Оставались ли вы когда-нибудь наедине с собой – без книг, без радио? Попробуйте и посмотрите, что выйдет.

– Я с ума сойду. Не могу оставаться одна.

– Попробуйте и посмотрите. Для творческой реализации уму требуется тишина. Глубокая тишина, возможная лишь тогда, когда вы обращаетесь к одиночеству. Вы – женщина, и все же в вас очень много мужского. Вы все время пренебрегали женщиной. Загляните в себя.

Глубоко во мне что-то зашевелилось, кроша многослойную корку бесчувственности. Я снова ощутила тоску.

– Вы хотите любви, Пупул, но не находите ее. Зачем вы протягиваете свою миску для подаяния?

– Ничего подобного, – ответила я, – вот как раз этого я никогда не делала. Лучше умру, чем стану просить любви.

– Да, действительно, вы не просите. Вы задушили в себе ее. Однако миска для подаяния всегда с вами. Если бы миска была полна, вам незачем было бы ее протягивать. Миска всегда на виду именно из-за того, что она пуста.

Я на миг взгляделась в себя. В детстве я очень часто плакала. Став взрослой, я не допускала, чтобы что-либо причинило мне боль. Я яростно отстранялась от любой угрозы и сразу же нападала.

– Когда любишь, не предъявляешь требований, – сказал он. – Тогда, если ты понимаешь, что человек тебя не любит, то помогаешь другим любить, пусть даже сам остаешься в стороне.

Я очень ясно увидела себя – горечь, черствость... Я посмотрела ему в глаза:

– Слишком страшно на это смотреть. Что я с собой сделала?

– Порицая себя, проблему не решить. Через вас не протекает некий внутренний поток изобилия, иначе вам не нужна бы была любовь или расположение других людей. Почему в вас нет этого изобилия? Просто такая уж вы есть. Вы ведь не клянете человека за то, что он болен. Таков ваш недуг. Смотрите на него спокойно и просто, с состраданием. Оправдывать

или проклинать глупо. Проклятие – одно из движений прошлого, при помощи которого это прошлое укрепляет себя. Посмотрите, что происходит в вашем сознательном уме. Почему вы агрессивны? Почему хотите быть центром любой группы?

Когда вглядываешься в сознательный ум, бессознательное понемногу начинает посылать намеки – через сны и даже через бодрствующее мышление.

Мы говорили больше часа, но единицы измерения времени тут не имеют никакого значения. В его присутствии ощущение времени теряется – оно утрачивает свою протяженность. Я говорила с ним о тех переменах, которые происходили в моей жизни. Я уже не была уверена ни в себе самой, ни в своей работе. Да, желания и порывы все еще возникали, но в них не осталось жизненности.

Я сказала ему, что поняла, что значительная часть выполняемой мною работы питается моим желанием возвыситься. Я больше не считала возможным войти в политику. Моя светская жизнь тоже радикальным образом изменилась, даже в покер я уже не могла играть. Время от времени я садилась за стол, но вскоре обнаруживала, что мне категорически недостает желания перехитрить других игроков. Посреди партии у меня вдруг непроизвольно включались моменты осознания, отчего я совсем не могла блефовать. Кришнаджи запрокинул голову и безудержно расхохотался.

Я поведала ему, что временами ко мне приходило поразительное ощущение внутреннего равновесия – я была словно птица, играющая с ветром. Все желания растворялись в интенсивности момента – просто выгорали. А в другие моменты я вязла в болоте становления. Я утратила ориентиры и потеряла якорь. Я не знала, что ждет меня впереди. Никогда прежде я не чувствовала себя так неуверенно.

Кришнаджи сказал:

– Семя упало в почву, позвольте ему прорасти. Пускай просто какое-то время полежит спокойно. Все это ново для вас. Когда приходишь к этому без предвзятых мнений, без каких-либо представлений, без верований, следуя прямому и непосредственному порыву, на каком-то этапе уму требуется отдых. Не торопите события.

Мы погрузились в молчание. Затем Кришнамурти сказал:

– Берегите себя. У вас есть задор, какой редко бывает у женщин. В этой стране и мужчины, и женщины сдуваются слишком рано и слишком легко. Дело в климате, в образе жизни... застой. Постарайтесь, чтобы этот задор не иссяк. Освобождаясь от агрессии, не сделайте вялой и слабой. Быть свободным от агрессии – не значит стать слабым или робким.

И он снова сказал мне:

– Наблюдайте за своим умом, пусть ни одна мысль от вас не ускользнет, сколь бы уродливой, сколь бы жестокой она ни была. Наблюдайте, не делая выбор, не взвешивая, не осуждая, не направляя мысли и не позволяя им пускать корни в вашем уме. Наблюдайте неустанно.

Когда я уходила, он поднялся, чтобы провести меня до двери. Лицо его было безмятежно, тело изящно и крепко, словно гималайский кедр. В этот миг я с особой остротой осознала его красоту, и я спросила:

– Кто вы?

– Не важно, кто я, – был ответ. – Имеет значение лишь то, что вы думаете и что делаете. Можете ли вы себя преобразить – вот, что важно.

По пути домой я вдруг осознала, что в наших многочисленных беседах с Кришнамурти он никогда ни слова не сказал о себе, ни разу не упоминал о личных переживаниях, его «я» не проявило себя ни единым движением. Именно это делало его незнакомцем, сколь бы хорошо вы ни знали этого человека. На фоне дружественных жестов, в разгар непринужденной беседы мы вдруг чувствовали это – внезапную отстраненность, лучащуюся из него тишину, сознание без центра внимания. Вместе с тем в его присутствии мы ощущали благодать бесконечного сопереживания.

Часть 1

Молодость Кришнамурти 1895–1946

1. Человек рождается в пространстве и человек рождается в пространство

Обожженные солнцем, живописные, как изваяния, камни – одно из древнейших образований подобного рода на Земле – берегли покой деревни Маданапалле в округе Читтур (штат Андхра-Прадеш на юге Индии). От святилища Тирупати через всю долину Риши к Анантпуру протянулись холмы, увенчанные скалистыми выступами и перемежаемые маленькими лощинами. Дожди тут выпадают редко, население скудное. Источником тени и яркого цвета служат тамаринды и деревья галмохар⁸.

Это священная земля, *пуньястхал*, где век за веком жили мистики и святые, и их прах, погребенный здесь, освящает эти места. Здесь 12 мая 1895 года, через тридцать минут после полуночи, Сандживамма родила сына. Она была замужем за Джидду Нарьяньяхом, мелким государственным служащим.

Предки Джидду Кришнамурти – брахманы, принадлежавшие к подкасте Веланаду – изначально пришли сюда из Гидду, или Джидду, деревни, расположенной на плодородных землях прибрежных равнин штата Андхра-Прадеш. Дед Кришнамурти по отцу, Гурумурти, тоже был мелким государственным служащим; однако дед деда, Рамакришна, был знаменит своей ученостью, выдающимся знанием санскрита и Вед. Он занимал весьма ответственную должность в юридическом департаменте Британской Ост-Индийской компании.

Дом Нарьяньяхи в Маданапалле – одном из самых засушливых уголков Южной Индии – был совсем крошечным. Этот душный двухэтажный домишко выходил своим узким фасадом в переулок, по которому протекала сточная канава. Воду брали из расположенного неподалеку колодца: ее таскали в дом водовозы и запасали в больших блестящих медных сосудах и в глиняных горшках.

Сандживамма родила Кришнамурти в комнате для проведения *пудж*⁹. Биографы Кришнамурти не обратили должного внимания на это обстоятельство. Между тем для придерживающегося традиций индуиста – живет ли он среди заснеженных гималайских вершин или в округе Каньякумари на крайнем юге, в городской квартире или в деревенской хижине – комната для проведения *пудж* является святилищем, сердцем дома, где обитают домашние боги, *гриха дэваты*. Для поддержания благой атмосферы эту комнату украшают цветами, возжигают в ней благовония и читают священные мантры. В комнату для богов можно входить только после ритуального омовения и только в чистых одеждах. Роды, смерть, менструальные выделения – все это источники ритуальной нечистоты. Считается, что в период рождения или смерти кого-то из домашних хозяев дома и домочадцы тоже разделяют нечистоту и воздерживаются от выполнения ежедневной *пуджи*. Вместо этого для выполнения ежедневных ритуалов приглашают брахмана из местного храма. Рожать в этой комнате – просто невыносимо!

Сандживамма – жена и кузина Нарьяньяхи – была очень набожной и щедрой женщиной. Ее считали обладающей сверхобычными способностями: у нее бывали видения, и она видела ауру человека. Подобно тому как ухо музыканта остро чувствует безупречно настроен-

---

⁸ *Delonix regia*, делоникс королевский, или огненное дерево. – Прим. ред.

⁹ Mary Lutyens, *Years of Awakening* (London: John Murray, 1975), 2; а также В. Shiva Rao, *Birth and Early Years*, не датированная рукопись о ранней жизни Кришны. Из архивов Теософского общества, Аджар, Мадрас.

ный инструмент, так и ее материнское ухо было настроено на биение сердца малыша, который ждал своего часа в тигле ее лона, готовясь пройти через врата жизни. Должно быть, женщина получила какие-то пророческие знаки о том, что этот ребенок уникален, иначе ей не достало бы отваги бросить вызов богам таким вот образом.

Ранним вечером 11 мая Сандживамма ощутила верные признаки приближения родов. Это был ее восьмой ребенок, и женщина отлично знала, как нужно готовиться к такому событию. Поэтому она подготовила комнату, спела своим прекрасным голосом мужу песни на телугу¹⁰ и расположилась на циновке на верхнем этаже дома. Ближе к полуночи начались схватки. Она разбудила Нарьяньяха, отправилась в заблаговременно подготовленную комнату и улеглась на циновку – рожать. Ей помогала соседка, родственница, которая была искусной повитухой, а муж ожидал за дверью. Роды прошли почти безболезненно. Единственные слова, которые произнесла за все это время роженица: «Рама, Рама, Анджанея¹¹». В 12:30 ночи 12 мая повитуха открыла дверь и сказала Нарьяньяху: «*Сирсодаям*, появилась головка». Согласно традиции, это и есть драгоценный момент рождения.

Вот в этой крошечной комнате, освещенной масляными лампами, в присутствии домашнего бога *шита дэваты* Кришнамурти и сделал свой первый вздох. Из защищенного пространства материнского лона младенец вошел во внешний мир.

«Человек рождается в пространстве и человек рождается в пространстве»¹².

На следующее же утро выдающийся местный астролог Кумара Шроутхулу составил гороскоп новорожденного. Он сказал Нарьяньяхе, что его сыну суждено стать великим человеком. У него была весьма сложная астрологическая карта: ребенку предстояло столкнуться со множеством трудностей, прежде чем он сделается великим учителем.

Согласно предписаниям традиции, в течение одиннадцати дней ребенок пребывал в атмосфере, которая воспроизводит среду, существующую в утробе. Он лежал в полутьме в полотняной колыбели, рядом с матерью, которая то и дело нежно укачивала его. Новорожденный Кришнамурти входил в озаренный ослепительным солнечным светом мир постепенно, как это принято у правоверных индуистов.

На шестой день после рождения была произведена церемония присвоения имени. Закономерно, что в этой свято чтимой традиции семье восьмой ребенок, рожденный мальчиком, получил имя Кришнамурти в честь Кришны, бога-пастушка, который тоже был восьмым ребенком в семье.

Три года спустя, в 1898 году, Сандживамма родила еще одного сына. Его назвали Нитьянанда – «вечное блаженство».

Когда Кришне исполнилось шесть лет, была проведена *упанаянама*. Это обряд посвящения в *брахмачарью* – период кастового ученичества, являющийся первым этапом жизни брахмана. Церемонию провели в Кадири, где служил Нарьяньях.

На плечо Кришны повязали священный шнур ручного прядения, и отец прошептал мальчику на ухо заветную мантру *гаятри* – обращение к солнцу. Мальчик был обучен произносить эту мантру с правильной интонацией и произношением, сопровождая ее должными жестами. Далее ему надлежало научиться произносить мантру *гаятри*, обращаясь к рассветному солнцу, и выполнять ритуалы *сандхья* на закате, совершать ритуальные омовения и освобождаться от любых разновидностей ритуальной нечистоты. А еще ему надлежало учиться искусству декламации Вед.

---

¹⁰ Телугу – дравидийский язык, используемый в индийском штате Андхра-Прадеш; содержит большое количество санскритских слов.

¹¹ Анджанея – одно из имен Ханумана, бога-обезьяны, преданного божественному герою Раме в эпической поэме «Рама-яна». Хануман – популярный в народе бог, широко почитаемый во всей Индии.

¹² Sarvapalli Radhakrishnan, *The Principal Upanishads. The Chandogya Upanishad* 7.12.1, 480; («Чандогья-упанишада»).

По словам Нарьяньяхи: «Это церемония, через которую проходят сыновья брахманов, когда для них приходит время вступить в мир образования. Происходит это в возрасте от пяти до семи лет, в зависимости от здоровья и способностей ребенка. Так что, когда Кришна достиг этого возраста, был определен день для церемонии. По местному обычаю в этот день принято проводить семейный праздник, сопровождающийся трапезой, на которую приглашают друзей и родственников».

Когда гости собрались, Кришну искупали и облачили в новые одежды. Затем его привели в комнату и посадили на колени к отцу. В вытянутой руке Нарьяньях держал серебряный поднос с рассыпанными по нему рисовыми зернами. Мать, сидевшая рядом с отцом, взяла мальчика за указательный палец правой руки и этим пальцем начертала по рису священный слог АУМ, который на санскрите обозначается одной буквой, – это первая буква в алфавите санскрита и алфавитах всех диалектов, восходящих к этому древнему языку.

«Затем, – рассказывает Нарьяньях, – с пальца моего сняли кольцо и поместили его между указательным и большим пальцами ребенка. Жена, держа сына за маленькую ручку, начертила этим кольцом букву языка телугу, обозначающую то же священное слово. А потом, уже без кольца, ту же букву начертали трижды. После этого проводящий церемонию священник произнес надлежащие мантры и благословил мальчика, чтобы он был одарен духовно и интеллектуально. Далее, взяв с собой Кришну, мы с женой отправились в храм Нарасимхи Свами, чтобы совершить богослужение и помолиться за будущие успехи сына. Оттуда мы направились в ближайшую школу, где передали мальчика учителю, который совершил ту же церемонию начертания священного слова, но только на песке. Тем временем в класс начали сходиться школьники, и мы раздали им лакомства, которые могут служить хорошим угощением для учеников. Таким образом, мы совершили для нашего сына инициацию в образовательный процесс в согласии с нашими обычаями. После этого мы вернулись домой и разделили трапезу с родственниками и друзьями»¹³.

Кришна и его брат Нитья были очень дружны, но чрезвычайно различались по складу характера. Нитья был необычайно умен. «Еще до того, как Нитья научился говорить, заведя идущих в школу мальчишек, он брал в руки карандаш и грифельную доску и следовал за ними»¹⁴. Кришнаджи был хилым ребенком, постоянно страдавшим от малярии. В какой-то период приступы были настолько тяжелыми, что ему пришлось пропустить целый год занятий в школе из-за кровотечений из носа и рта.

Школьная жизнь и учеба мало интересовали Кришнамурти, но он мог часами наблюдать за проплывающими по небу облаками, за пчелами, муравьями и другими насекомыми, а также просто смотреть вдаль. Его считали хилым и недалеким. Видя его рассеянность, немногословность и полное безразличие к делам мира, замечая этот взгляд, устремленный куда-то за линию горизонта, в надмирные дали, его учитель ошибочно полагал, что мальчик страдает умственной отсталостью.

Несмотря на кажущуюся рассеянность, юный Кришнамурти живо интересовался всевозможными техническими приспособлениями. В один из дней, когда Кришна не пошел в школу, мать увидела, что мальчик в своей комнате увлеченно разбирает часы. Ребенок отказывался выходить из комнаты, не ел и не пил до тех пор, пока не разобрал механизм по винтикам, понял, как он работает, и собрал его обратно.

---

¹³ Рассказ Нарьяньяхи о детских годах Кришны записала в 1911 году миссис Кэтрин Тэйлор, представительница английского отделения Теософского общества, жившая в Адьяре. Эти записи были подписаны самим Нарьяньяхом и засвидетельствованы Фон Манненом и миссис Жоржи Гаргорин. Архивы Теософского общества, Адьяр, Мадрас.

¹⁴ Там же.

В детстве Кришна был очень привязан к матери, которая, кажется, понимала, насколько уникален ее сын¹⁵. Сандживамма умерла в 1905 году, оставив маленького Кришну в растерянности и печали. Много лет спустя, летом 1913 года, находясь в Европе, он приступил к написанию собственной биографии. Кришнамурти назвал ее «Пятьдесят лет моей жизни». Он намеревался год за годом «добавлять в книгу свежую информацию, чтобы к 1945 году она оправдала свое название»¹⁶. Увы, автор забросил рукопись, исписав всего лишь несколько страниц. Тем не менее этот текст является собой интереснейший отчет о его детских переживаниях и о ранних годах жизни, проведенных с матерью. В восемнадцать лет эти детские воспоминания были все еще свежи. Юноша очень живо описывает видения, в которых ему являлась мать после смерти:

Самые счастливые воспоминания детства неразрывно связаны с моей драгоценной матерью, дарившей нам любовь и заботу, – драгоценное умение, которым так славятся матери Индии. Не могу сказать, что школьная жизнь доставляла мне радость, ибо учителя были не слишком добры ко мне и уроки их давались мне с трудом. Игры со сверстниками радовали меня лишь до той поры, пока они не становились слишком грубыми, так как здоровьем я был чрезвычайно слаб. Смерть матери в 1905 году отняла у меня и у моих братьев ту единственную, кто больше всего любил нас и заботился о нас. Отец же был слишком занят своими делами, чтобы уделять нам должное внимание. Я жил самой обыкновенной жизнью обычного индийского мальчишки до тех пор, пока мы не переехали в Адьяр¹⁷ в 1908 году. [На самом деле это произошло в январе 1909 года.]

Адьяр был мне исключительно интересен, поскольку мой папа и сам посещал собрания Теософского общества. Уже в Маданалле он устраивал у нас дома заседания небольшого кружка по изучению теософии, и именно тогда я узнал от него и от моей матери об Адьяре. У мамы была особая комната для *пудж*, где она регулярно совершала богослужение. В этой комнате висели изображения индийских богов, а также фотография миссис Безант в индийском костюме. Скрестив ноги, она сидела на *чоки* – небольшом помосте, укрытом тигриной шкурой.

Пока братья были в школе, я чаще всего оставался дома, потому что у меня часто бывал жар (почти каждый день), и нередко я заходил в комнату для пудж, когда мама проводила там церемонии. Она рассказывала мне о миссис Безант, о карме, о реинкарнации и читала мне отрывки из «Махабхараты», «Рамаяны», а также других индийских писаний. Мне было всего лет 7 или 8, так что понимал я не много, однако полагаю, что чувствовал многое из того, что было еще недоступно моему пониманию.

Рассказывая о матери, я вспоминаю некоторые события, вероятно, достойные упоминания. Она обладала некоторыми экстрасенсорными способностями и порой виделась с моей сестрой, умершей за пару лет до того. Они нередко вели беседы – было даже особое место, куда порой приходила сестра. Мама всегда знала, что девочка пришла. Порой она брала с собой меня и спрашивала, вижу ли я тоже сестру. Поначалу я только смеялся в ответ, но мама просила меня всмотреться пристальнее, и в конце концов я тоже начал иногда видеть умершую. Со временем я стал видеть ее каждый раз. Должен признаться, мне было очень страшно, ведь я точно знал, что она умерла, и даже наблюдал, как сжигают ее тело. Как правило, я бросался в объятия матери, и она говорила мне, что бояться нечего. Я был единственным членом семьи, помимо мамы, кому являлись эти видения, но между тем все остальные верили нашим расска-

---

¹⁵ Она рассказала о своих чувствах соседке, которая впоследствии стала бабушкой Радхи Бёрнье. Радха Бёрнье, родившаяся в семье теософов, принадлежала к группе людей, которые были довольно близки к Кришнаджи в Индии. По состоянию на 1986 год она являлась президентом Теософского общества.

¹⁶ Дж. Кришнамурти, «Автобиография». Кришна начал писать свою автобиографию в 1915 году, находясь в Варанжилле (Нормандия). Он записал свои воспоминания вплоть до 1911 года. Адьяр, Мадрас, архив Теософского общества.

¹⁷ Здесь и далее слово «Адьяр» используется не как географическое название, но в смысле «Штаб-квартира Теософского общества Адьяр». – Прим. пер.

зам. А еще мама видела ауры людей, что порой удавалось также и мне. Но я не уверен, что она понимала значение цветов ауры. Было много других случаев подобной же природы, о которых я теперь не помню. Мы часто беседовали с ней о Шри Кришне, к которому я испытывал особую привязанность, и однажды я спросил маму, почему его всегда изображают синего цвета. Она сказала, что это из-за цвета его ауры, но я не знаю, откуда маме было это известно.

Мама была очень щедрой. Она всегда была добра к нищим мальчишкам и регулярно давала еду представителям своей касты. Каждый мальчик приходил в наш дом в назначенный для него день (в другие дни они кормились в других домах). Каждый день к нам приходило определенное количество нищих, и нередко им приходилось проделывать немалый путь, чтобы получить рис, *дал*¹⁸ и иногда какую-нибудь одежду.

До переезда в Адьяр мы с братьями сменили немало школ, и самая приятная из них была школа в Маданапалле. Впервые я пришел туда совсем мальчишкой, потому что я и родился в Маданапалле. Поскольку отец мой был государственным служащим и мы то и дело переезжали с места на место, образование у нас получилось крайне непоследовательное.

После смерти матери дела пошли хуже прежнего, потому что некому было за нами присмотреть. Что касается мамы, то я могу сказать, что часто видел ее уже после смерти. Помню, однажды я пошел за ее призраком, поднимавшимся вверх по лестнице. Я протянул руку, и мне даже показалось, что я сумел ухватить ее за подол, но она исчезла, как только мы поднялись на самый верх. До недавнего времени я слышал, как мама провожает меня в школу. Я отчетливо помню этот звук колокольчиков, которые индийские женщины носят на запястьях. Поначалу я испуганно оглядывался и видел смутные очертания платья и часть лица. Это происходило почти каждый раз, едва я выходил из дому.

---

¹⁸ Дал – лущеные чечевица или горох; приготовленный из них суп. – *Прим. ред.*

2. Теософское общество и оккультная иерархия

Мадам Елена Петровна Блаватская (1831–1891), которую также называют Е. П. Б., была во многих отношениях необыкновенной женщиной. Обладательница ясновидения, пронизывающего гипнотического взгляда и весьма неоднозначного характера, она обосновалась в Индии с 1879 года. Уроженка России, она утверждала, что несколько лет прожила в Тибете, поддерживая тесный контакт с махатмами¹⁹, или учителями оккультного братства. Именно там она получила от своего гуру – своего учителя – тщательно оберегаемые учения тибетских мудрецов. Когда она находилась в Европе в 1873 году, учителя велели ей разыскать полковника Генри Стила Олкотта из США, который, как и она сама, занимался духовными изысканиями. Она послушно отправилась в Соединенные Штаты, познакомилась с полковником Олкоттом, и в 1875 году они основали Теософское общество. Вскоре они вместе отправились путешествовать – поначалу в Бомбей, затем на Цейлон, где получили буддийское посвящение, а далее в Мадрас. В 1882 году в Адьяре, Мадрас, была открыта штаб-квартира Теософского общества.

Теософское общество опиралось на идеи Всемирного Братства людей, которое было сориентировано на поиск и изучение древней мудрости, а также на исследование сокровенных тайн природы и дремлющих в человеке сил. Оно создало оккультную иерархию, взяв за основу индуистскую и буддийскую традицию, в частности тантрические тексты и учения Тибета.

Во главе иерархии стоял Санат Кумара, упоминаемый в Тантрах, в «Бхагавате» и в ранних алхимических текстах. Его описывают как шестнадцатилетнего юношу, вечно молодого, полностью свободного от времени, понимаемого как совокупность прошлого, настоящего и будущего. В теософской иерархии он считался владыкой мира. Ниже Кумары располагался Будда. А ниже Будды – три владыки логоса солнечной системы: бодхисаттва Майтрейя, грядущий Будда; Махачохан, фигура, отсутствующая в индуистских или буддийских писаниях; и Ману, один из отцов человечества, согласно «Ригведе». Соответственно, они олицетворяли сердце как средоточие сострадания, голову – как средоточие интеллекта, и руки – как средоточие деятельных навыков. Ниже них – махатмы, или учителя, которые в грядущие годы должны и сами эволюционировать до уровня бодхисаттв и Махачоханов. Учитель Кут Хуми (известный также как учитель К. Х.) носил тело кашмирского брахмана, а учитель Мория (учитель М.) носил тело Раджпутского принца. Эти два учителя управляли всеми делами Теософского общества и руководили учениками посредством различных посвящений, проводимых под их милостивым наставничеством.

В конце XIX века в оккультных кругах пронесся слух о грядущем пришествии Мессии, Мирового Учителя. В 1891 году, незадолго перед смертью, Е. П. Б. писала, что истинная цель Теософского общества – подготовка пришествия Мирового Учителя.

В 1889 году Анни Безант (1847–1933) прочла «Тайную доктрину» Блаватской и вскоре лично познакомилась с основательницей Теософского общества. Анни Безант слыла человеком непокорным и свободомыслящим и всегда была готова яростно сражаться за дело, которое считала правым. Красноречивая и целеустремленная, она обладала потрясающими организаторскими способностями. Она неустанно сражалась на многих фронтах: свобода мысли, права женщин, профсоюзное движение, Фабианский социализм, контроль над рождаемостью. Но знакомство с трудами Блаватской изменило ее полностью. Она перенаправила свою колоссальную энергию от материализма и атеизма на дела оккультные и священные. Ее друзья и поклонники – в число которых входили Бернард Шоу, Сидни и Беатрис Вебб, Чарльз Брэдли – были потрясены до глубины души, когда она вступила в Теософское общество. Желая дистан-

---

¹⁹ «Махатма» в переводе с санскрита означает «великий дух», «великая душа», «адепт» или «учитель».

цироваться от своих бывших соратников и осознавая, какие циничные суждения пробудит в бывших поклонниках ее новая стезя, она писала:

Но ныне, как и в другие моменты своей жизни, я не посмею лгать, чтобы выторговать себе покой. Я чувствую настоятельную потребность говорить правду, как я ее вижу, независимо от того, нравятся кому-то мои слова или не нравятся, накличат ли они на меня славословие или хулу. Лишь верность Истине храню я беззаветно, и пусть от меня отворачиваются друзья, пусть рвутся людские узы. Пусть даже Истина влечет меня в пустыню – я должна за нею следовать; пусть я растеряю любовь – я не откажусь от погони за ней; пускай она сулит мне гибель – я все равно буду в нее верить. И я хочу, чтобы на моей надгробной плите начертали лишь одно:

«Она стремилась к Истине»²⁰.

Когда в 1893 году Анни прибыла в Индию в возрасте сорока шести лет, это стало началом ее страстного и увлеченного диалога с нашей страной, который продолжался до самого конца жизни этой женщины.

Она ощутила, что в Индии недостает интереса к тому, что, по мнению Анни, является истинной миссией этой страны в мире, которой свойственна гениальная предрасположенность к религиозному и духовному знанию. Безант обратила внимание на это обстоятельство во время одного из своих первых публичных выступлений в Индии:

Если религия умрет здесь, то она умрет повсюду. На Индии лежит священная ответственность за то, чтобы не дать угаснуть факелу духа посреди туманов и грозových дождей крепнущего материализма. Если она выронит этот факел, пламя его будет затоптано ногами суетливых толп, спешащих за мирскими благами. А у Индии без духовности нет будущего: она просто канет во мглу подобно тому, как это случилось с Грецией и Римом²¹.

Анни Безант изучала священные книги Индии, выучила санскрит, вела дискуссии с религиозными деятелями страны. Вдохновленные ее неподдельной страстью, к этой женщине потянулись многие интеллектуалы и молодые искатели истины – и присоединились к Теософскому обществу. Среди благодарных слушателей Анни был и двенадцатилетний Джавахарлал Неру. Он пришел послушать миссис Безант под влиянием своего гувернера, наполовину бельгийца, наполовину ирландца – мистера Фердинанда Т. Брукса, который и сам был пылким приверженцем теософии.

Очарованный учением теософов и красноречием Безант, Джавахарлал направился к своему отцу, Мотилалу Неру (националисту и преуспевающему юристу, который впоследствии создаст партию «Конгресс»), и попросил, чтобы тот позволил ему присоединиться к Теософскому обществу. Мотилал Неру расхохотался. Выяснилось, что он и сам был членом Теософского общества еще с дней, когда им руководила мадам Блаватская. Мальчишка получил разрешение, и вскоре тринадцатилетний Джавахарлал Неру был принят в общество и получил посвящение от самой миссис Безант. Он принял участие в съезде в Варанаси, где увидел самого седобородого полковника Олкотта. Когда юный Неру отбыл в лондонский район Харроу, теософия очень быстро выветрилась из его сознания. Но три года общения с этими людьми оставили неизгладимый отпечаток на его характере, что он потом сам признал, выказывая восхищение личностью Анни Безант²².

---

²⁰ Annie Besant, *Autobiography* (Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1939), 326.

²¹ Заключительные слова, венчающие две лекции, которые Анни Безант дала в Лондонском Дворце науки 4 и 11 августа 1889 года под общим заглавием «Почему я стала теософом». Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас.

²² Jawaharlal Nehru, *An Autobiography* (India: Allied Publishers Private Ltd., 1962), 15–16.

После смерти полковника Олкотта в 1907 году Анни Безант стала президентом Теософского общества. Этому событию предшествовал целый клубок интриг внутри Теософского общества. После того как миссис Безант заняла этот пост, она вступила в тесный контакт с Чарльзом Уэбстером Ледбитером (1847–1934) – мы будем называть его Ч. У. Л. – бывшим англиканским священником, который был известен своим даром ясновидца. За несколько лет до того он был изгнан из Теософского общества в результате инцидента, когда Ледбитера обвинили в гомосексуальных связях с юношами, однако миссис Безант, зная о высоко развитых экстрасенсорных способностях этого человека и отказываясь признать состоятельность обвинений в его адрес, возобновила его членство в обществе, как только стала президентом. Вскоре Ледбитер занял довольно высокое место в иерархии организации.

В 1908 году Нарьяньях ушел в отставку с государственной службы. На скудную пенсию в 125 рупий в месяц он был не в состоянии содержать немаленькую семью (кроме сыновей, этот мужчина также считал своим долгом обеспечивать сестру и племянников). Поскольку Нарьяньях с 1882 года состоял в Теософском обществе, он написал письмо Анни Безант с просьбой подыскать ему какую-нибудь работу в Адьяре. Поначалу президент ему отказала, понимая, что проблемы его большой семьи могут отрицательно сказаться на тихой и мирной атмосфере, царящей в кампусе Теософского общества. Однако Нарьяньях был настойчив и вскоре попал в Адьяр на должность помощника секретаря Эзотерического отдела. Он снял крошечный домик неподалеку от земель общества; его сестра активно занялась домашним хозяйством.

Кришне и его брату Нитье приходилось ежедневно ходить в школу в Майлапуре, где Кришну сурово наказывали за невнимательность. Он по-прежнему был очень рассеян и совсем не интересовался учебой. Учитель считал мальчика умственно отсталым. Но тетя очень любила этого мечтательного ребенка с взглядом словно устремленным в неземные дали. Ощущая зарождающуюся в нем мудрость, она прозвала племянника Дроначари – в честь Дроны, гуру Пандавов и Кауравов из эпоса «Махабхарата».

Сыновья Нарьяньяха часто ходили купаться на пляж Адьяра, где их однажды увидел Ледбитер. В 1899 году миссис Безант читала в Адьяре лекцию под названием «Аватары». В 1908 году во время своего насыщенного и стремительного турне по США она непрестанно твердила о предстоящем пришествии Мирового Учителя. День за днем Ледбитер наблюдал за Кришнамурти, все более отчетливо ощущая присутствие мальчика и его уникальную ауру, в которой совсем отсутствует эгоизм.

Однажды вечером, вернувшись в свою комнату после ежедневного купания, Ледбитер рассказал Эрнсту Вуду – молодому человеку, который ассистировал ему в оккультных изысканиях, – что один из мальчишек обладает необыкновенной аурой. Речь шла о Кришнамурти. Вуд удивился: он знал мальчишек, и Кришнамурти, на его взгляд, явно не блистал способностями. Но Ледбитер настаивал, утверждая, что Кришнамурти предстоит стать духовным учителем и великим оратором. «Насколько великим? – спросил Вуд. – Как миссис Безант?» «Намного больше», – ответил Ледбитер²³.

Вот как Кришнамурти описал в автобиографии свое знакомство с Ледбитером, который, возможно, стал первым европейцем, с которым когда-либо общался мальчик:

Прибыв в Адьяр, мы поселились в доме неподалеку от новой типографии. Каждый день мы пешком ходили в школу в Майлапуре. Ранним утром и по вечерам делали уроки. Довольно скоро мы повадились ходить на пляж вместе с соседскими мальчишками. Во время одного из таких походов в

---

²³ Gregory Tillet, *The Elder Brother* (London: Routledge and Kegan Paul, 1982), 102.

1909 году я впервые повстречал своего драгоценного друга и старшего брата Ч. У. Ледбитера. Первая наша встреча произошла совершенно случайно.

Насколько я помню, он направлялся к морю вместе с мистером Ван Маненом и с кем-то еще, чтобы поплавать. Не помню точно, о чем мы тогда говорили, особенно учитывая тот факт, что я не слишком хорошо владел английским. После того случая мы виделись очень часто, и иногда он приглашал меня в свой дом, или, точнее, в бунгало.

Когда я впервые оказался у него в комнате, мне стало страшновато, поскольку большинство индийских мальчишек боятся европейцев. Не знаю, чем обусловлен этот страх, но одной из причин может быть накал политических страстей и сопутствующих слухов, возбуждающих воображение. Должен также признать, что европейцы в Индии в целом не отличались добрым отношением к нам, и я сам был свидетелем многих жестоких поступков, от которых нам делалось горько. Хотелось бы мне, чтобы англичане в Индии поняли, что индийские мальчишки так же глубоко любят Индию, как любят свою страну английские мальчишки, и так же глубоко переживают любое оскорбление, пусть и ненамеренное.

Поэтому нас очень удивило необычное поведение этого англичанина, который одновременно оказался еще и теософом. Вскоре мы очень подружились с мистером Ледбитером, и он регулярно помогал нам с уроками. Несколько позднее в Адьяр прибыл молодой инженер мистер Р. Б. Кларк, и было договорено, что мы с Нитьей теперь оставим школу, чтобы нас обучали мистер Ледбитер и мистер Кларк. Очень скоро мы начали делать успехи: мы учились намного, намного лучше, чем прежде. В нашей жизни появился жесткий распорядок. Рано утром мы приходили в бунгало мистера Ледбитера, некоторое время занимались там, затем отправлялись домой на завтрак и снова возвращались к нему. Во второй половине дня мы играли в теннис либо шли на море обучаться плаванию. Мой отец был очень доволен нашими успехами, и 14 августа он, наконец, принял решение, что в школу мы больше не вернемся²⁴.

Кришнамурти попал в поле зрения Ледбитера как раз в тот период, когда тот предпринимал ясновидческое исследование прошлых жизней своих соратников. Заодно он стал изучать и прошлые воплощения Кришнамурти. Отчеты об этих экскурсах в оккультное прошлое Кришны были позднее собраны в труде «Жизни Алкиона». Имя Алкион является производным от названия самой яркой звезды созвездия Плеяд – Альциона. В результате своего исследования Ледбитер открыл целый ряд блистательных воплощений Кришнамурти. Ему довелось быть учеником Будды, а также прожить множество других замечательных жизней, когда его сострадательность и мудрость служили источником исцеления и просветления для многих и многих людей.

В тот момент, когда Ледбитер познакомился с мальчишками, их головы были выбриты спереди (по южно-индийскому обычаю), а сзади у Кришнамурти росли длинные волосы до колен. Мальчик был худ, так как питались они плохо. Скоро Кришнамурти и его брат Нитья начали свое обучение в Адьяре. Поначалу они продолжали придерживаться строгих кастовых правил, бытовавших в семье, но вскоре Ледбитеру это надоело, и он стал понемногу ограничивать влияние отца на детей. Нарьянях же, в свою очередь, по-своему пытался противодействовать влиянию нового наставника на мальчишек. Ледбитер незамедлительно написал письмо миссис Безант, где утверждал, что отец мальчиков утратил рассудок и попал под влияние «чёр-

---

²⁴ J. Krishnamurti, *Autobiography* (Adyar, Madras: Archives of the Theosophical Society, n.d.).

ных». К тому же Ледбитер получил от учителя Кут Хуми определенные инструкции. Послание выглядело следующим образом:

Они долго жили в аду. Постарайся же открыть для них рай. Если раньше у мальчиков не было ничего, я хочу, чтобы теперь у них было все. Вместо враждебности, недоверия, страдания, нищеты, беспорядочности, безразличия и грязи, я хочу, чтобы они попали в атмосферу любви и счастья, доверия и порядка, безупречной физической гигиены и умственной чистоты. Старайся удерживать их в сфере своей ауры и ауры Анни, чтобы защитить от злых и плотских мыслей. Я хочу, чтобы ты ввел их в лоно цивилизации. Научи их пользоваться вилок и ложкой, зубной щеткой и пилочкой для ногтей, приучи непринужденно сидеть на стульях, а не корчиться на корточках на полу, научи спать на кровати, как это делают разумные люди, а не по углам, подобно псам²⁵.

Просто немислимо, чтобы мудрый учитель – являвшийся к тому же брахманом из Кашмира – мог написать это письмо, отягощенное колониальным высокомерием и викторианскими предрассудками. В этих строках отчетливо сквозит презрение, с которым британцы в Индии относились к индийской культуре и индийским обычаям. Текст был написан в то время, когда обитатели Южной Индии – мужчины, женщины и дети, богатые и бедные – сидели и спали на расстеленных на полу циновках, а каждая индийская семья объединяла несколько поколений, живших в атмосфере тепла и единства, какую редко можно было встретить на Западе.

Трудно также поверить и в то, что братья действительно были грязны и запущены. Принадлежа к варне брахманов, они должны были совершать омовение по несколько раз в день. Ритуальное омовение, которому предшествовало умаснение маслом, являлось строго соблюдаемой процедурой. Зубы регулярно надлежало чистить зубочисткой из дерева ним, которое является одним из лучших известных природных антисептиков. И еще в таких семьях было принято ежедневно стирать одежду – это одна из обязательных регулярных процедур.

В первой половине XX века британские правители Индии воспринимали индийцев как неизбежную часть ландшафта: держались от них на расстоянии и по возможности относились терпимо, но старались ни при каких обстоятельствах не допускать фамильярности с их стороны. Чаще всего британцы относились к коренным жителям с некоторой снисходительностью. Именно на таком фоне Кришна – мальчик, рожденный в семье брахмана, занимавшего, однако, весьма низкое положение в британской официальной иерархии, – попал в поле внимания эксцентричного мистика из Британии, во вспышке духовного озарения узревшего в нем сущность, которой суждено стать «проводником» для будущего прихода бодхисаттвы Майтрейи.

Кришну и Нитью забрали из их крошечного домика и переместили в роскошные апартаменты штаб-квартиры Теософского общества, располагавшиеся в обширном и живописном имени. Мальчики оказались под попечительством Ч. У. Л. – представительного длиннородого белого мужчины, который в эзотерических терминах рассказывал им о светозарных Учителях и посвященных, о прошлых жизнях и великих воплощениях. Обладая сверхчувствительной нервной системой, Кришна настроился на великие ожидания, а возможно, и вступил в соприкосновение с сокровищницей сферы бессознательного человечества. Принадлежность к варне брахманов со всей сопутствующей иконографией дала прекрасные предпосылки, чтобы он мог перенять образный ряд, свойственный Теософскому обществу. Мыслеформы и визуальные образы, наполнявшие атмосферу Адьяра, заряженные оккультными истинами и иллюзиями, воспринимались юным неофитом как нечто зримое и несомненное. В детстве, когда он жил рядом с глубоко верующей матерью, Кришне являлись видения божественного младенца Кришны, а теперь он видел образы учителей, Будды и Санат Кумары – улыбчивого лучезарного

---

²⁵ Mary Lutyens, *Years of Awakening* (London: John Murray, 1975), 41–42.

юноши, который был главой иерархии Теософского общества. Эзотерическим силам, если они существуют, – и, вне всяких сомнений, самому Ледбитеру – для исполнения функций «проводника» бодхисаттвы требовался человек с телом брахмана, обладающий наследственной чувствительностью, склонный к вегетарианству и чистоте, с мозгом, который на протяжении многих столетий был сосредоточен на «ином», достаточно тонкий и восприимчивый, но в то же время сильный, чтобы проникать в недра ума и материи, способный выдерживать огромные объемы энергии в соответствии со своим предназначением.

Как ни парадоксально, когда Кришна и Нитья попали в лоно Теософского общества, их новые наставники немедленно стали делать все возможное, чтобы искоренить в мальчиках все индийское. Мы можем почти уверенно сказать, что наставники Кришнамурти решили, что братья должны говорить только по-английски, так что мальчики постепенно совсем забыли певучий язык телугу. Веды и гимны, заученные в детстве, понемногу стерлись из памяти. Волосы им остригли и сделали прически с пробором. Им привили английские манеры, приучили есть ложкой и вилкой и держать локти близко к корпусу, когда они поднимают вилку ко рту. И одеваться приучили по-европейски: на брюках должна быть стрелочка, а ботинки необходимо начищать до зеркального блеска. И мыться научили на английский манер. «Мальчикам надлежало стать английскими джентльменами, поскольку, согласно представлениям Ледбитера, именно английский джентльмен – венец эволюции человека»²⁶.

К счастью, внешний лоск и особенности образования не наложили отпечатка на ум Кришнамурти – он остался нетронутым и ждал своего часа. Возможно, это и правильно, что мальчика, которому суждено было стать учителем и прошеествовать по всему миру, следовало освободить от любых наносных признаков, обусловленных страной и средой, в которой он родился. Для реализации его предназначения нужно было, чтобы этого человека не сдерживали никакие границы.

По свидетельству Ч. Джинараджадаса, который впоследствии стал президентом Теософского общества, обучение мальчиков было строжайшим образом регламентировано. Питание, учеба, игры – все проходило по неумолимому графику, который был призван привить ребятам осознанность ко времени и обстоятельствам. Езда на велосипеде была не развлечением, а уроком, направленным на развитие уверенности в своих силах и способности преодолевать усталость. Однажды их заставили съездить в Чингелпет и обратно, в общей сложности 64 мили (почти 103 км). Чтобы дети побороли страх, Ледбитер читал им леденящие кровь истории о привидениях²⁷.

Семьдесят пять лет спустя, рассказывая нам об этом периоде своей жизни, Кришнамурти так описывал юного Кришну и его отношение к Ледбитеру: «Мальчик всегда говорил: „Я сделаю все, что хотите“. В этом была некая доля раболепия, покорности. Мальчик был безразличен, неуверен, растерян; кажется, происходящее не интересовало его. Он был как сосуд с большой дыркой: что ни налей в него, все вытечет и не останется ничего». Они называли его «проводником», и он принимал это как данность. В нем не было ни сопротивления, ни сомнений, ни вопросов. И еще Кришнамурти рассказывал об экстрасенсорных способностях мальчика. Он мог прочесть запечатанное письмо, улавливал мысли людей, видел фей. Но он не придавал этим явлениям никакого значения: с его точки зрения, во всем этом не было ничего особенного.

Учители проинструктировали миссис Безант и мистера Ледбитера, чтобы они охраняли тело Кришнамурти в течение двух лет и тем самым готовили его к проявлению [Майтрейи]. Для этого делалось все возможное. Позже Кришнаджи говорил, что, несмотря на то, что Ледбитер и другие строго определили внешние условия, в которых он развивался, они не предпринимали

---

²⁶ Tillet, Elder Brother, 135.

²⁷ Там же.

никаких попыток влиять на душу ребенка или формировать его мозг, ибо они говорили: «Над этим работает Владыка».

Ледбитер нередко был нетерпелив по отношению к Кришне: безразличие мальчика его раздражало, в особенности его привычка стоять с открытым ртом. Однажды он сильно ударил мальчика по подбородку, чтобы тот закрыл рот. Позже Кришнаджи сказал, что этот акт насилия положил конец любым взаимоотношениям между Кришной и Ледбитером.

Перед самым возвращением миссис Безант в Индию учителя подвергли Кришну испытанию. В ноябре 1909 года, когда миссис Безант прибыла в Мадрас, она увидела рядом с Ледбитером «горящего интересом мальчика с огромными глазами», который смущенно шагнул к ней и надел гирлянду из цветов ей на шею. «Это и есть наш Кришна», – произнес Ледбитер²⁸.

С ее приездом вокруг мальчика стала постепенно вырастать своего рода защитная стена. Подобрали особую группу мальчишек, чтобы они с ним играли. Никому не позволялось садиться на его стул или брать его теннисную ракетку. Он постоянно находился под пристальным надзором старших.

Чтобы в обучение не мог вмешиваться Нарьянх, учителя прислали предписание, что мальчики должны пореже посещать дом отца. Миссис Безант сумела добиться того, чтобы Нарьянх полностью передал ей опеку над детьми. Вскоре любые визиты братьев в родительский дом прекратились.

Когда миссис Безант находилась в Адьяре, она виделась с Кришной ежедневно. Именно в этот период были посеяны семена взаимоотношений между ними, основанные на любви и бесконечном доверии. В последние месяцы перед возвращением миссис Безант в Индию Ледбитер требовал, чтобы Кришна каждый вечер отправлялся на астральный план и получал наставления от учителей. Мальчик пришел в соприкосновение с эзотерической жизнью Теософского общества, как понимал ее Ледбитер, и познакомился с языком оккультных мистерий. Портреты учителей и махатм украшали стены Святилища – зала для медитаций Эзотерического отделения. Их лица и имена впитались в самое существо Кришны, прочно срастаясь с его повседневной реальностью. Впервые миссис Безант увидела Кришну 27 ноября 1909 года, а уже 5 декабря его приняли в Эзотерическое отделение Теософского общества.

Вскоре Безант предстояло уехать из Адьяра в Варанаси.

---

²⁸ Annie Besant, „On Krishnamurti“, The Theosophist (March 1986), 207. Originally published in 1923.

3. Сон: «Ты ли это, Владыка мой?»

Что за работа заставила миссис Безант отправиться в Варанаси как раз в это время – в самый судьбоносный момент ее жизни? Почему она не была в Адьяре при первом посвящении? Не искала ли и она сама наставлений у неких мистиков и мудрецов, не искала ли подтверждения в отношении Кришнамурти у представителей оккультной иерархии? Должна ли она была сама пройти йогические посвящения, чтобы защитить ребенка, которому предстояло стать Мировым Учителем?

Беседуя с учеными мужами и брахманами-пандитами из Варанаси более семидесяти лет спустя, я выяснила, что в те далекие годы миссис Безант общалась в Варанаси со Свами Вишудханандой и его учеником Гопинатхом Кавираджем. Свами Вишудхананда был известным тантриком, обладавшим многочисленными *сиддхи*, или мистическими силами. Кроме того, он утверждал, что поддерживает прямой контакт с неким тайным культом Тибета, основанным на древнем учении; это учение зародилось в Индии, но сохранилось в своей изначальной форме лишь в одном средоточии духовных сил, которое расположено за озером Манасаровар в Тибете. Говорят, что в этом месте собрались многие великие мудрецы и бодхисаттвы – не в своей физической форме, но, по всей вероятности, в виде сгустков энергии. Одно из самых охраняемых учений в их среде передавалась только из уст в уста, шепотом, и речь в нем шла о вечном коловращении времени, о практиках *кундалини*-йоги и переходе сознания. Эта йога, чреватая огромными опасностями, зародилась в Индии задолго до появления Будды и его учения. Позднее из Индии это учение исчезло, но сохранилось среди адептов, живущих в этом тайном уголке Тибета.

Может ли быть, что от Свами Вишудхананды миссис Безант узнала о доктрине «круговорота», или передачи сознания, и о тесной связи между этим круговоротом и *кундалини*-йогой? Пандит Джаганнатха Упадхья из Варанаси, некогда раздобывший исходный текст *Калачакра-тантры* и предпринявший серьезное исследование этого текста, поведал Кришнаджи, что пандит Гопинатх Кавирадж утверждал, что Теософское общество в значительной мере основывает свое секретное учение на этой тайной доктрине. А еще он сказал, что Свами Вишудхананда и Гопинатх Кавирадж в начале XX века беседовали с миссис Безант о близящемся проявлении бодхисаттвы Майтрейи и о его воплощении в человеческом теле. По словам Свами, для этой цели было выбрано тело Кришнамурти. Услышав это, Кришнамурти отреагировал без промедления: «Майтрейя не может проявиться. Это как если бы проявились сами небеса. Проявляется только учение». В другой раз, когда мы беседовали на эту тему, Кришнаджи внезапно увидел образ, явившийся словно через некую прореху во времени. Он сказал: «Амма [А. Б.] приехала к Кавираджу верхом на коне»²⁹.

Услышав это, я была заинтригована. Образ миссис Безант, едущей в начале XX века по узким улочками Варанаси на белом коне, чтобы навестить нищенствующих аскетов *садху*, произвел на меня чарующее впечатление. Я стала интересоваться вопросом глубже и выяснила, что миссис Безант очень любила ездить в седле, и вполне вероятно, что она направилась на встречу к гуру в Варанаси именно верхом. В результате своих исследований я совершенно в новом свете представила себе то, каким образом многие тайные прозрения и доктрины становились достоянием Эзотерической секции Теософского общества. Вполне возможно, что вера миссис Безант в то, что бодхисаттва Майтрейя проявится именно через тело Кришнамурти была обусловлена как раз этими ее контактами с гуру из Варанаси, имеющими непосредствен-

---

²⁹ Эта беседа между Кришнаджи, пандитом Джаганнатхом Упадхьяей и небольшой группой членов Индийского Фонда Кришнамурти состоялась в Васант-Вихаре (Мадрас) в январе 1985 года. Стенограмма этой беседы была расшифрована Сунандой Патвардхан и находится в архиве Фонда Кришнамурти в Индии. (Archives of the Krishnamurti Foundation India, 64/65 Greenways Road, Madras).

ную связь с верхушкой оккультной иерархии. Ледбитер, обладая очевидным экстрасенсорным даром, был слишком отягощен западной оккультной символикой; источники, обеспечивавшие индийские вливания в оккультную жизнь теософов, должны были принадлежать индийской и тибетской традиции.

Менее чем через три недели после того, как Кришна присоединился к Эзотерической секции, Ледбитер послал миссис Безант телеграмму, в которой сообщал, что учитель Кут Хуми принял мальчика в ученики. Прошло всего пять месяцев с тех пор, как Ледбитер открыл Кришну.

В своем письме Анни Безант Кришна необычайно красивым почерком – есть ощущение, что это было результатом упорных каллиграфических упражнений – описал церемонию принятия в ученики, состоявшуюся 3 января 1910 года:

Моя дорогая матушка!

Это было очень красиво. Войдя в дом учителя, мы застали его самого, учителя Морию и учителя Джвал Кула. Они стояли и беседовали – говорили очень ласково. Мы простерлись перед ними. Учитель поднял меня, усадил к себе на колени и спросил, готов ли я всецело позабыть себя, никогда больше не лелеять ни одной эгоистичной мысли, но думать лишь о том, как помочь миру. Я сказал, что воистину готов к этому и мечтаю однажды уподобиться ему. Тогда он меня поцеловал и возложил на меня руку, отчего показалось, что каким-то образом я сделался его частью: я стал чувствовать себя совсем иным, очень-очень счастливым, и это чувство неизменно сохраняется до сих пор. Тогда все они трое благословили меня, и мы вышли за двери. Но на следующее утро в Святилище, когда я снова с ним беседовал, я опять ощутил, как его рука тяжело легла на мою голову, как это было предыдущим вечером.

Сейчас я проскакал уже 254 мили³⁰, и поездка доставляет мне огромное наслаждение. Скоро ли ты вернешься к нам? Каждый день я думаю о тебе с величайшей любовью.

Твой любящий сын

*Кришна*³¹

Испытательный период был краток, и очень скоро последовали необычные события. Выдающийся астролог Г. Е. Сатклифф обратил внимание на то, что 11 января того года должно было сложиться очень необычное стояние планет. Между Ледбитером и миссис Безант состоялся обмен телеграммами, в ходе которого ей было сообщено, что церемония посвящения Кришны состоится в ночь с 11 на 12 января. Миссис Безант не могла присутствовать, но передала инструкции о том, что двери между ее комнатой и святилищем Эзотерической секции, а также между ее комнатой и верандой должны быть закрыты, а Кришна с Ледбитером должны во время этого важного события находиться в ее комнате.

Позже говорили, что Кришна и Ледбитер в течение двух ночей и одного дня находились вне тел и возвращались в них лишь иногда, чтобы принять пищу. Кришна лежал на кровати миссис Безант, а Ледбитер на полу. 12 января они вышли из комнаты. Их ждали несколько старейшин Теософского общества, а также отец Кришны Нарьяньях и его брат Нитья. Кришна немедленно написал миссис Безант письмо, где описал те таинственные события:

---

³⁰ Почти 409 км. – *Прим. перев.*

³¹ Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас. Оригинал письма находится в архиве Фонда Кришнамурти, Охай, Калифорния.

Покинув тело в первую ночь, я сразу отправился в дом учителя и обнаружил его там вместе с учителем Морией и учителем Джвал Кулом. Учитель долго вел со мной ласковую беседу, в ходе которой рассказал о посвящении и о том, что мне надлежит делать. Затем мы все отправились в дом Владыки Майтрейи, где я уже однажды бывал, и там повстречали многих учителей – Венецианского учителя, учителя Иисуса, учителя Графа³², учителя Сераписа, учителя Иллариона, учителя Морию, а также К. Х. Владыка Майтрейя сел посередине, а другие обступили Его полукругом. [Здесь Кришна сделал рисунок, где изобразил положение собравшихся членов Братства.] Затем учитель взял меня за правую руку, а учитель Джвал Кул за левую, и они привели меня, чтобы я предстал прямо перед Владыкой Майтрейей. Вы [миссис Безант] и дядюшка [Ледбитер] стояли рядом, позади меня. Владыка улыбнулся мне, но, обращаясь к учителю, спросил: «Кто этот человек, которого ты представил передо мной?» А учитель ответил: «Это кандидат на вступление в Великое Братство».

[Собравшиеся учителя выказали свое согласие на то, чтобы принять его в Братство.]

Тогда Владыка отвернулся от меня и воззвал к Шамбале: «Должен ли я, о Владыка Жизни и Света, сделать это от Твоего Имени и ради Тебя?» В тот же миг над головой Его зажглась великая Серебряная Звезда, и по сторонам от нее в воздухе появились фигуры, одна из них – фигура Владыки Гаутамы Будды, а другая – Махачохана. Тогда Владыка Майтрейя обернулся ко мне и позвал меня, назвав истинное имя моего эго, и возложил руку Свою мне на голову, и сказал: «Именем Единственного Посвящающего, чья звезда горит ныне над нами, я принимаю тебя в Братство Вечной Жизни». [Следующей ночью их перенесли для визита к Санат Кумару.]

...Он – юноша ненамного старше меня, но при этом самый красивый из всех, кого я видел, сияющий и величественный. А улыбка Его подобна свету солнца. Он силен, как море, и ничто не может противостоять Ему ни секунды, но вместе с тем в Нем есть любовь и только любовь, а поэтому я не мог испытывать перед Ним ни малейшего страха³³.

Ответного письма Анни Безант к Кришне у нас нет, но есть письмо к Ледбитеру, где она горячо одобряет это событие. Переписка между миссис Безант и Кришной указывает на то, сколь глубоко она любила этого мальчика и сколь нежно заботилась о нем. Вот какие слова она обращала к нему:

31 марта 1910

Мой возлюбленный Кришна, благословенный сынок, хотела бы я знать, видишь ли ты или чувствуешь ли ты меня во время утренней медитации, когда я навещаю тебя. Я знаю, что в астрале ты видишь меня и чувствуешь, но осознает ли это твой мозг тут, внизу? И среди дня я часто направляю к тебе мыслеформу, чтобы она обняла тебя своими крыльями.

В Калькутте был большой митинг в защиту животных, и я рассказала людям о Дрозде, который пытался вытащить гвоздь из руки Христа на кресте. Эта история не отражает факт, но она столь же соответствует истине, сколь история о том, как Шри Рама гладил по спине бурундуков, отчего

³² Граф Сен-Жермен – почитаемая фигура среди оккультистов и теософов XX–XXI веков, которые считают его одной из важнейших фигур европейской истории XVIII века. – *Прим. ред.*

³³ Там же.

у них появились эти милые полоски [sic]. Однажды в Сарнатхе, где Будда произнес свою первую проповедь, я заглянула в прошлое, чтобы увидеть это событие; маленький олененок подошел к Будде и ткнул носом в его ладонь. Владыка был воплощенной любовью, поэтому животные его не боялись. Скажи дорогому Нитье, что я каждое утро целую его славную макушку и посылаю ему мыслеформы. Ты знаешь, мой Кришна, как сильно я тебя люблю – всегда.

Твоя любящая мать ³⁴

Кришна ответил 5 апреля 1910:

Конечно, мой физический мозг хранит память о тех моментах, когда ты меня обнимаешь, ибо я стараюсь, чтобы сознание мое всегда оставалось одним и тем же, но все же я не уверен, что мне всегда это удастся. Я постоянно работаю над тем, что необходимо для совершения второго шага, но на это потребуется время. Думаю, я не очень обременен сомнениями или предрассудками, однако мне слишком трудно дается избавление от иллюзии своего «я». Тем не менее я это сделаю. Я пока еще не вполне понимаю, как, но сделаю, так или иначе.

Я прочел книгу «Дети родины», а в ближайшие дня три мы завершим знакомство с «Историей великой войны». Я слышал истории о Дрозде и Бурундуке, но Дрозда я пока еще не видел. Прошло 1250 лет с тех пор, как я в последний раз побывал в Сарнатхе, но надеюсь непременно съездить туда в этой жизни. Там стоял большой серый столб, увенчанный львом, и другие столбы, поменьше, рядом с ним полукругом. Скоро ли ты вернешься к нам? Я каждый день посылаю тебе огромную любовь.

Твой любящий сын, Кришна ³⁵

На фотографии, сделанной сразу после первого посвящения Кришны, через пять месяцев после того, как его «открыл» Ледбитер, мы видим юного *брахмачарина*, облаченного в *ангавастрам*. Утонченное лицо с отпечатком безграничной силы. Он стоит в профиль, волосы ниспадают на плечи. В глазах отражена *акаша* – бесконечность пространства и звука. Рот чуть приоткрыт, не выказывая ни веселья, ни угрюмости. Крошечный росток мангового дерева, в котором нет ни толики своеволия, только жизненная энергия. Лицо беззащитное и абсолютно бесхитростное: «Ты перворожденный сок вод, а также лесных деревьев»³⁶.

Многие биографы Кришны, описывая мальчика на тот момент, когда его нашел Ледбитер, рассказывают, что он был отсталым, чуть ли не слабоумным, грязным, неухоженным ребенком, которого отличали только огромные выразительные глаза. Как ни поразительно, никто не говорит о его потрясающей красоте.

В сентябре 1910 миссис Безант, которая на тот момент уже вернулась в Адьяр, отправилась вместе с братьями в Варанаси. И уже там, в Варанаси, Кришна попросил, чтобы ему доставили записи, сделанные еще в Адьяре и впоследствии легшие в основу его первой книги «У стоп учителя».

Выход этой книги вызвал большие споры. Один экземпляр был предназначен специально для учителя Кут Хуми, для него даже сделали особый переплет из синей кожи; Кришнамурти подписал книгу и положил себе под подушку с тем, чтобы она к утру исчезла. Продажи шли весьма неплохо. На тот момент Кришна владел английским языком далеко не лучшим обра-

---

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ «Атхарваведа самхита», том 1, книга 4, глава 5. Пер. Т. Я. Елизаренковой.

зом, и многие критики утверждали, что книгу в действительности написал Ледбитер. Текст получился добротным и внятным, учение теософов в нем соединялось с некоторыми базовыми принципами индуизма.

Едва ли можно сомневаться, что, даже если заметки были изначально написаны самим Кришной под руководством учителя К. Х., окончательная версия несет на себе отчетливый отпечаток руки Ледбитера. Есть свидетельства, что, отвечая на расспросы отца, Кришна отрицал, что книгу написал он.

Лет через пятьдесят физик Джордж Сударшан задал Кришнаджи вопрос об авторстве книги «У стоп учителя». Кришнаджи ответил: «Человек, написавший эту книгу, исчез»³⁷. Продолжать разговор на эту тему он отказался.

В 1911 году миссис Безант со своими двумя подопечными поехала в Англию. Ее старые друзья и почитатели весьма критично относились к этому, как они выражались, «мессианскому предприятию», и одновременно она подвергалась нападкам во влиятельном англоязычном ежедневнике *The Hindu*, издававшемся в Мадрасе. Вскоре члены Теософского общества со всей Индии, многие из которых были старыми друзьями Анни, стали открыто возмущаться ее поклонением «маленькому индийскому мальчику, которого она называет Алкионом»³⁸. Несмотря на насмешки, открытое неприятие и саботаж со стороны Теософского общества, включая некоторых ключевых его членов, миссис Безант была непоколебима, как скала, – она твердо верила утверждениям учителей, что Кришне предстоит стать «проводником» Будды Майтрейи. Перед отъездом в Англию миссис Безант заказала мальчикам полный английский гардероб у лучших портных Бомбея. Когда они прибыли на станцию Чаринг-Кросс, где их встречали члены Теософского общества, Кришна был одет в норфолкскую куртку и брюки.

Миссис Безант поселила ребят в доме своей подруги, миссис Брайт. Вот как описывает Эстер Брайт подопечных Анни Безант в своей книге «Анни Безант, воспоминания и письма»:

Именно в этот дом Анни Безант привезла своих двух юных протеже из Индии – братьев Кришнамурти и Нитьянандама. Там мы их и разместили. Было очень интересно наблюдать их реакции на реалии западной жизни. Мальчики были чрезвычайно застенчивы и сдержаны, но очень живо реагировали на все, что происходит в нашем столь своеобразном западном мире, и нередко относились к нам весьма критично! Особенно, что касается риса! «Похоже, миссис Брайт не вполне понимает, насколько сильно мы любим рис», – заявил однажды Нитья очень строгим и внушительным тоном. Это был очаровательный юноша с серьезным лицом и дружелюбными любознательными глазами. Необычайно тонкая и богатая натура в хрупком теле индуса. Анни Безант очень привязалась к этим мальчикам, она всеми силами старалась окружить их любовью и добротой. Было радостно наблюдать за ними всеми³⁹.

Вот что писала миссис Безант 29 ноября 1911 года, когда ей случилось ненадолго разлучиться с Кришной:

Посылаю тебе огромные волны любви, подобные тем, которые с грохотом накатываются на побережье. Только мои волны не сбивают с ног, а обнимают и хранят это драгоценное тело, в которое предстоит облечься Владыке.

---

³⁷ Из моих дневников. Кришнаджи сказал это Джорджу Сударшану в Броквуд-Парке во время съезда ученых в октябре 1974.

³⁸ Arthur H. Nethercot, *The Last Four Lives of Annie Besant* (London: Rupert Hart Davis, 1963), 159.

³⁹ Esther Bright, *Old Memories and Letters of Annie Besant* (London: Theosophical Publishing House, 1936), 134.

Я люблю своего собственного милого Кришну, то эго, которое я любила так много лет. Сколько именно лет? Я не знаю. С тех пор как мы еще были прыгучими животными, охранявшими хижину нашего учителя? Возможно, еще дольше, – возможно, с тех пор, когда мы были растениями и соприкасались нежными побегами под палящим солнцем и грозовым дождем. А может быть, мы были минералами – о, очень и очень давно. Я была маленьким кристаллом, а ты – крупницей золота во мне⁴⁰.

Кришна и Нитья ненадолго вернулись в Индию вместе с миссис Безант в декабре 1911 года. Нападки на миссис Безант продолжались непрерывно. Братья вместе с Анни отправились в Варанаси. По свидетельствам миссис Безант и Ледбитера, именно там произошло первое пробуждение духа в Кришнамурти, после чего миссис Безант объявила, что больше не может быть никаких сомнений в том, что бодхисаттва Майтрейя выбрал Кришнамурти в качестве своего «проводника».

К 1912 году миссис Безант и два мальчика вернулись в Европу. Нарьяньях очень неохотно позволил своим сыновьям отправиться туда, поставив условие, что их будут оберегать от любых контактов с Ледбитером. На тот момент англоязычный Мадрас всюду полнился слухами о сексуальных наклонностях Ледбитера, и поэтому вполне естественно, что отец хотел, чтобы дети держались подальше от этого человека. Когда миссис Безант собралась покинуть Индию со своими подопечными, страхи Нарьяньях пробудились с новой силой, и он пригрозил, что будет восстанавливать свои опекунические права через суд. Но Анни убедила отца отпустить ребят с ней, чтобы они подготовились к поступлению в Оксфорд. Однако, узнав о том, что по прибытии в Европу миссис Безант повезла мальчиков в Таормину (Италия), где Ледбитер должен был провести Кришну через второе посвящение, Нарьяньях все-таки подал в суд. Миссис Безант вернулась в Индию и окунулась в судебный процесс со свойственной ей энергичностью, усердием и волевым напором. Она лично являлась на заседания и искусно противостояла лучшим юристам в стране. Она проиграла дело, как в суде низшей инстанции, так и в Высшем суде Мадраса, но в конце концов победила, подав апелляцию в Тайный Совет.

Кришна и Нитья не возвращались в Индию с 1912 до 1922 года.

Миссис Безант и Кришна могли поддерживать связь только по почте. Кришна писал ей еженедельно, рассказывая о своей учебе, о своих снах, своих проблемах. Он начал откладывать средства для работы миссис Безант в Индии, пообещав еженедельно вносить по 2 шиллинга 6 пенсов из своих карманных денег. Когда в последнюю неделю августа 1912 года Кришнамурти посетил дантиста из-за проблем с зубом мудрости, тот применил в качестве обезболивающего небольшую дозу кокаина. В результате той ночью Кришнамурти приснился необычайный сон о Владыке Майтрейе. Он пересказал этот сон в письме к миссис Безант – буквы пляшут по странице, слова выпадают, строки изгибаются как попало:

Помню, что вместе с Кларком⁴¹ оказался в комнате над Э. С. [Эзотерической секцией]. Внизу только что проходило собрание Э. С. под руководством Матери. Собрание уже завершилось, и мы вместе с Кларком отправились наверх, в мою комнату. В комнате было окно, обращенное в зал Э. С. Я ненароком подошел к этому окну и увидел, что в зале кто-то есть. Поначалу я встревожился, поскольку был уверен, что после собрания все разошлись и я лично запер дверь. Мне было тревожно и даже немного страшновато, но я спросил себя: «Чего тут пугаться?» Тогда я позвал Кларка

---

⁴⁰ Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас. Оригинал письма находится в архиве Фонда Кришнамурти, Охай, Калифорния.

⁴¹ Рассел Б. Кларк (Дик) – инженер и теософ, прибывший в Адьяр в 1910 году, чтобы помочь Ледбитеру в его работе. Когда Ледбитер открыл Кришну и Нитью, Кларк стал их гувернером.

и отправился вниз. Я спустился довольно быстро и, оказавшись внизу, поднял взгляд, чтобы увидеть Кларка, но его уже там не было. Я услышал какой-то шум и увидел, как какая-то фигура сошла с картины, изображавшей Владыку Майтрею и учителей. Я видел ноги этого человека и туловище вплоть до шеи, а лицо не видел, ибо оно было скрыто каким-то золотым покрывалом. Я знал, кто этот человек, ибо у него были длинные волосы и остроконечная борода, но мне хотелось убедиться, поэтому я обратился к нему очень смиренно, сказав ему в точности следующие слова: «Ты ли это, Владыка мой?» Он снял покрывало с лица, и я убедился, что передо мной Владыка Майтрея. Тогда я простерся перед Ним, а Он протянул руку, благословляя меня. Затем Он сел на пол, скрестив ноги, и я сел рядом. Далее Он заговорил со мной и сказал вещи, которых я уже не помню. Я снова совершил простирание, и Он ушел.

Несколько часов спустя я со своим юным приятелем-индусом прогуливался по дороге, пролегающей между гор и рек. Вдруг я увидел идущего нам навстречу мужчину, высокого и ладно сложенного. Когда он к нам приблизился, я понял, кто это, и велел своему приятелю уйти. Приятель сказал, что хочет увидеть, кто это. К тому моменту человек подошел совсем близко, и я вознамерился совершить простирание перед Ним, но Он остановил меня жестом. Мой приятель стоял позади меня. Владыка обратился к приятелю и сказал: «Что тебе тут нужно?» Мой приятель не ответил. Тогда Владыка сказал: «Если ничего не хочешь, то лучше ступай прочь». Мой спутник все еще стоял, не отвечая. Тогда Владыка поднял руку и указал в направлении моего друга. Поскольку я был совсем рядом с Его рукой, я услышал грохот, как от проходящего мимо поезда. Я обернулся к своему спутнику и увидел, что он медленно валится наземь. Мой приятель лежал без движения, как мертвый. Я совершил простирание, и Владыка Майтрея сказал: «Этот твой мальчишка весьма любопытен», – мне нечего было Ему ответить; я только сожалел, что взял с собой приятеля.

ЛИЧНОЕ

Владыка сказал... кажется, он сказал вот что: «Раджа [Ч. Джинарадхадаса] должен будет отправиться в Америку после того, как Джордж [Арундейл, наставник Кришны в Англии между 1912 и 1914 гг.] прибудет в следующем году, а Кларк должен остаться». Он сказал, что я делаю хорошие успехи, а также что-то еще, не помню, что именно. Но самого Владыку я помню очень ясно. Его лицо было словно стекло, покрытое тонкой позолотой, иными словами, словно зрелое зерно, как говаривала Мать. Его лицо сияло.

Он был очень добр ко мне. Пару раз Он положил руку мне на плечо. Он говорил о Матери и о Джордже. Мы беседовали очень долго. В конце я спросил Его: «Будут ли какие-то приказания, мой Владыка?» А Он ответил: «Не будь так официален». Я снова совершил простирание. «Нам предстоит видеться часто», – сказал Он.

У меня было такое чувство, что я могу говорить с Ним без конца, но тут фигура Владыки Майтреи исчезла. Я проснулся. Была половина шестого. И тогда я написал все это...

*Кришна*⁴²

---

⁴² Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас. Оригинал письма находится в архиве Фонда Кришнамурти, Охай, Калифорния.

Все годы разлуки миссис Безант регулярно писала Кришне письма: рассказывала о своей жизни, поправляла его орфографические ошибки и так далее. В ее письмах отчетливо видна забота о нем, и еще мы замечаем, что эта женщина обладала недюжинным педагогическим даром. 9 октября 1912 года Анни обратила внимание на то, как безграмотно пишет юноша. Вот как это выглядело:

Я очень рада, что ты усердно делаешь уроки. Пожалуйста, будь при этом очень внимателен, пусть твой ум работает так же неустанно и *вдумчиво*, как это было, когда ты занимался со мной. Очень важно, чтобы ты овладел всеми этими простыми вещами, и тогда мы сможем тобой гордиться, когда ты поступишь в Оксфорд. Мне больше нравится, когда в «параллельных прямых» не стоят две буквы «р» подряд. А вот две «л» ты написал верно. Вообще-то, слово «параллелепипед» часто используют в заданиях по проверке правописания. Насколько я понимаю, не существует единого правила, регулирующего одинарное или двоянное написание буквы «р». Так, например, слово «корона» мы пишем с одним «р», а слово «коррида» [sic] с двумя. Читая книги, мы приучаемся к виду правильно написанных слов, и когда слово написано неправильно, оно выглядит, как калека.

20-го в полночь я выезжаю в Адьяр, где у меня намечена встреча с жителями Мадраса, которые придут продемонстрировать, что они не согласны с тем, что пишут обо мне в *The Hindu*.

*С огромной любовью к тебе и к Нитье,
Ваша любящая Мать*⁴³

Год спустя, отвечая на замечание об орфографических ошибках, Кришна написал Безант: «Мне очень неловко, что Владыка Майтрейя вынужден по три раза подряд делать замечания по поводу моего правописания»⁴⁴.

Миссис Безант вначале была поглощена судебной тяжбой за право опеки над мальчиками, затем с головой окунулась в бурную политическую жизнь Индии, а поэтому передала Кришну и Нитью на воспитание Ч. Джинараджадасу, а затем Джорджу Арундэйлу. Ребята постоянно переезжали с места на место, переходили от наставника к наставнику, а поэтому есть ощущение, что в этот период их духовное обучение было довольно скудным, а беседы на соответствующие темы – редкими. На какое-то время братьев отправили в школу близ Рочестера. Другие мальчишки делали их жизнь совершенно невыносимой: донимали грязными шуточками, обзывали «черными чертенятами».

Пока Кришна жил в Индии в ранние годы, у него сохранялся живой контакт с учителями. Но в Англии он сделался скептиком и почти совсем перестал интересоваться эзотерикой. Он рассказал приятелю, что однажды, когда ему явился учитель К. Х. и заговорил с ним, Кришнамурти просто направился к учителю и прошел сквозь него. После этого учителя ему больше не являлись.

15 апреля 1913 года судья Блэкуэлл из Высшего суда Мадраса вынес решение по иску Нарьяньяха, требовавшего вернуть ему право опеки над сыновьями, Кришной и Нитьей.

Досточтимый судья заключил, что хотя свидетельства Нарьяньяха, отца юношей, и не внушают доверия, но истец при подписании соглашения об опеке не знал, что его сына станут

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

использовать в качестве «проводника сверхъестественных сил», а следовательно, у него есть право изменить свое решение после того, как он узнал о данном обстоятельстве.

Судья отказался передать права на опеку немедленно, поскольку мальчики, являясь жителями Британской Индии, ныне временно проживали на территории Англии. Поэтому он назначил им государственных опекунов и постановил, чтобы подростков вернули отцу не позднее 26 мая 1913 года.

Поскольку в распоряжении миссис Безант была некоторая отсрочка до того, как приговор вступит в законную силу, она решила подать апелляцию в Тайный Совет. Анни послала телеграмму Кришне и получила ответ, подписанный Раджем, Нитьей и Кришной, где они подтвердили, что полностью доверяют ей.

Вот что она написала Кришне 17 апреля:

Мой возлюбленный сын!

Твоя прекрасная телеграмма, подписанная Раджем и Нитьей, доставила мне огромную радость. Вы с Нитьей в надежных руках. Никто не посмеет и пальцем вас тронуть. «Я – защита». Всех нас озаряет своим светом Звезда великого царя, и над вами простерта в охранительном жесте рука Владыки Майтрейи. Не сам ли Он велел мне защищать вас? И выполнять эту задачу – большая честь для меня, мой благословенный мальчик.

Сама я поживаю отлично. Часто вспоминаю, как мы с тобой мчались галопом по долинам у подножия Гималаев во время твоего прошлого приезда в Индию.

Твоя любящая мать

Как тебе кажется, что выглядит лучше – «галопом» или «галоппом»? Я вот не знаю. Люди пишут по-разному. Мне кажется, что двойное «п» лучше передает стук копыт по дороге⁴⁵.

Когда в 1914 году началась война, губернёр Кришны, Джордж Арундэйл, ушел добровольцем в Красный Крест и получил одну из руководящих должностей в Госпитале Короля Георга. Кришна и Нитья тоже хотели оказать посильную помощь стране и предлагали свои услуги, но безрезультатно. Несмотря на то что на стороне британцев сражалось огромное количество индийских бойцов, расовые предрассудки были на самом пике. Начальство не приветствовало присутствие темнокожих индийских юношей в госпитале для белых людей. Благодаря изрядному давлению со стороны некоторых влиятельных особ, Кришна получил работу в госпитале недалеко от офиса Теософского общества, но ему доверили только мытьё полов. В письме к Анни Безант от 1 июля 1915 он писал:

Моя дорогая матушка!

Спасибо большое за твое письмо. Конечно, я буду делать, как ты хочешь, и не стану прикасаться к мясу или подобным вещам. Мы сейчас работаем в госпитале возле Теософского общества у доктора Гуэста. Работа мне нравится, я занят с самого утра и почти до 7 часов вечера. Полагаю, Джорджу работа тоже по душе: кажется, он сейчас стал счастливее. Естественно, мы трудимся под началом доктора Гуэста, и я очень доволен этим обстоятельством.

Уверен, все сложится наилучшим образом.

Твой верный сын

*Кришна*⁴⁶

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Но уже к 15 июля их попросили уйти из госпиталя. В другом письме к миссис Безант, написанном из поместья Гринвуд-Гэйт, что в деревне Уизихэм, графство Сассекс, Кришна писал:

...В госпитале я трудился, не покладая рук, за сущие гроши, поскольку там очень много теософов. Однако Попечительский совет выступил против моего присутствия, потому что я индеец. Им даже бесплатная помощь не нужна. Эти люди столь же ревностны, сколь ограничены. Леди Уильямсон, жена председателя, сэра Арчибальда Уильямсона, хочет всеми командовать, включая доктора Гуэста, хотя тот получил назначение на пост директора госпиталя из самого Военного министерства. Теперь доктор Гуэст сделался майором Гуэстом, и его порядком подташнивает от всего этого. Попечительский совет попросил меня и некоторых других работников уйти, так что со вчерашнего дня я не работаю в госпитале. Мне очень грустно, поскольку работа была мне по душе и я только-только втянулся. Теперь нужно искать, чем бы еще занять себя и своих товарищей, – и заодно сбежать от самого себя. Посоветуй, чем бы заняться, чтобы приносить пользу...⁴⁷

Братья изо всех сил старались найти работу, но им везде давали от ворот поворот. 18 августа 1915 года Кришна писал:

...Я всеми силами пытался найти работу – любую работу, – но это по-настоящему сложно. Начнем с того, что я индус, а индусов никто не любит. Я искренне хочу работать, тем более, ты сама советуешь мне забыть себя, и мне кажется, что единственный способ сделать это – работать. Надеюсь, все будет хорошо⁴⁸.

Тот факт, что он индеец и поэтому его везде отторгают, является важным лейтмотивом в письмах юного Кришны к миссис Безант.

В нашем распоряжении нет ответов Анни Безант, но чопорные пожилые дамы, окружавшие Кришну, по-видимому, считали, что он слишком легкомыслен, и обращались к миссис Безант с жалобами по этому поводу. Вот что писал Кришна Анни 7 октября:

Я понимаю, что до сих пор относился к своей жизни недостаточно серьезно, и теперь намерен это изменить. Со следующего понедельника берусь за учебу. Я уже договорился о занятиях после твоего письма к леди де ла Варр. Я собираюсь заниматься санскритом, английским языком, математикой, историей и французским. Уроки уже назначены, и, как только буду готов, я намереваюсь поступить в Оксфорд. Я собираюсь учиться, не покладая рук, и после Оксфорда, ибо такова моя работа, назначенная учителями и тобой. Я действительно намерен этим заняться, и сделаю задуманное, чего бы это ни стоило⁴⁹.

Несмотря на всю эту переписку, братья были очень одиноки, несчастны и чувствовали себя отвергнутыми. Их разочарование росло, и, кажется, они совсем потеряли интерес к учению теософов. Вот что писал Кришна Ледбитеру о Нитье:

Ему очень одиноко – как и большинству из нас, – и нет никого, кому бы он особенно симпатизировал или кого любил бы, отчего ему делается тяжело вдвойне. Он преисполнен горечи. Он черств и холоден. Он очень страдает. Боюсь, я мало чем могу ему помочь. Ему нужен человек, который любил бы

---

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

его больше всех на свете, кто-то, с кем он сможет делиться всеми своими тревогами. Ему нужна мать, которую он любил бы... как у меня есть леди Эмили⁵⁰.

Единственным другом Кришны в Англии была леди Эмили Лаченс, жена Эдвина Лаченса, «бумажного архитектора», главного проектировщика Нью-Дели. Тридцатишестилетняя Эмили была в числе огромной толпы, собравшейся в свое время на вокзале Чаринг-Кросс, чтобы встретить миссис Безант и таинственного юного Алкиона, – тогда-то она и увидела Кришну впервые. Этот длинноволосый шестнадцатилетний индус с огромными глазами тронул Эмили до глубины души. Она быстро сдружилась с Кришной, который чувствовал себя растерянным и одиноким на чужой земле. Ее муж, Эдвин Лаченс, поначалу отнесся к новому знакомому жены благосклонно. Но впоследствии их дружба стала тревожить его, ибо ему казалось, что леди Эмили перестала уделять должное внимание ему самому и детям. Миссис Безант все это очень огорчало, поскольку она полагала, что любые эмоциональные бури, бушующие вокруг Кришны, негативно сказываются на той миссии, для которой он предназначен. Однако в письмах Кришны к Анни Безант он всегда характеризовал леди Эмили с самой лучшей стороны, представляя ее как женщину исключительно серьезную и целеустремленную.

Имена братьев были включены в списки абитуриентов Баллиол-колледжа в Оксфорде. Однако глава колледжа, озабоченный всякими кривотолками, окружавшими имя Кришнамурти, отказал ему, ссылаясь на «общую политику нашего колледжа, который не желает иметь ничего общего с какими бы то ни было темнокожими мессиями»⁵¹.

Все попытки миссис Безант устроить братьев в любой другой колледж Оксфорда или Кембриджа потерпели неудачу. Также Кришна не сумел сдать ни один из вступительных экзаменов в Лондонский университет. Он занимался целыми днями, но на экзамене всякий раз подавал в приемную комиссию пустой листок бумаги.

Братья жили в доме у миссис Додж в Уимблдоне. Миссис Додж была очень богатой американкой, активно занимавшейся благотворительностью. Эта терзаемая артритом женщина щедро финансировала многие проекты Теософского общества. Она была дружна с леди Эмили Лаченс, которая, собственно, и познакомила ее с миссис Безант и теософией. Кришна и Нитья ежедневно ездили в Лондон на учебу – которая давалась им с большим трудом, – готовясь к поступлению в Лондонский университет. «Именно в это время они научились элегантно одеваться и непринужденно чувствовать себя в обстановке богатого аристократического дома»⁵². Они стали заказывать наряды у дорогих портных и сделались заядлыми театрами. Мало что в поведении Кришны указывало на то, что прогнозы мистера Ледбитера и миссис Безант в отношении него были сколько-нибудь верны. По мере того как Кришна становился все старше, миссис Безант все чаще спрашивала у него: «Мой дорогой, что с тобой происходит?» Она видела, что Кришну интересуют только наряды и автомобили. Тем не менее ее вера в ту роль, которую предрекли Кришне учителя, оставалась неколебимой.

Между тем во время съезда Теософского общества, состоявшегося в декабре 1913 года в Варанаси, Ч. У. Ледбитер обнаружил тринадцатилетнего мальчика из касты брахманов по имени Д. Раджагопал. Привлеченный его аурой, Ч. У. Л. предрек мальчику блестящее будущее – и даже заявил, что в следующей жизни ему предназначено стать буддой на планете Меркурий. Ледбитер усыновил Раджагопала и в 1920 году отправил вместе с Ч. Джинарадхадасом в Англию. Вскоре юноша поступил в Кембридж, где изучал право и блестяще сдавал все экзамены.

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Arthur H. Nethercot, *The Last Four Lives of Annie Besant* (London: Rupert Hart Davis, 1963), 229.

⁵² Mary Lutyens, *Years of Fulfilment* (London: John Murray, 1983), 6.

Когда Кришна и Раджагопал только познакомились, между ними возникла некоторая отчужденность. Друзья Кришны отнеслись к Раджагопалу равнодушно и даже пренебрежительно. Такой прием глубоко задел Раджагопала, но он старался не подавать вида. Однако к 1922 году отношения между Кришной, Нитьей и Раджагопалом в значительной мере наладились.

После войны, провалив все попытки поступить в университет, Кришна отправился в Париж и поселился у своих друзей Манциарли. Это была большая дружная семья, и они помогли ему окупиться в жизнь города. Кришна завел знакомство с танцорами, писателями, художниками, музыкантами. Для него открылся новый мир – мир творчества. Молодой человек был зачарован. Некоторое время роль мессии почти совсем не тяготила его плечи.

Однажды вечером Кришнамурти довелось оказаться центральной фигурой на некоем светском приеме. Среди многих присутствующих было несколько генералов в парадной форме; многие пришли просто из любопытства, желая посмотреть на молодого человека, которому было предназначено стать мессией. Некоторые относились к происходящему скептически, некоторые – восторженно.

«Многие ожидали, что новый мессия окажется типичным человеком Востока, который станет вещать голосом пророка Илии. Однако на деле это был элегантный молодой мужчина в фланелевых брюках. Жесты его выглядели небрежными и даже несколько утомленными. Когда у него спросили, каково это, когда тебя называют инкарнацией Бога, тяжкое ли это бремя, он расхохотался в ответ: „Да уж, бремя нелегкое. Между тем меня сейчас больше занимает вопрос о том, как долго Сюзана Ленглен сможет сопротивляться напору Хелен Уиллис [в Уимблдоне]“»⁵³.

21 декабря 1921 года, после девятилетнего отсутствия, Кришнамурти и его брат Нитья вернулись в Индию. Кришнамурти открывал для себя Индию заново: во время этого визита он завел множество новых друзей, проанализировал свое окружение и возобновил общение с учителями.

Братья решили навестить своего отца, Нарьяньяха, у которого не было ни связи с ними, ни новостей от них в течение девяти лет. Его невестка Г. Шарада, вышедшая замуж за старшего брата Кришны, когда ей было пятнадцать, горько плакала от обиды, когда много лет спустя (в 1984 году) рассказывала мне о том, как проходили встречи. Отец не мог больше бывать в Теософском обществе, а поэтому искал информацию о детях в других источниках. Мальчики тоже не писали ему в течение всех этих лет... и вот, получив телеграмму о том, что они собираются его навестить, мужчина разрыдался. По его распоряжению невестка два дня кряду готовила угощение – блюда, которые, как помнил отец, любили его сыновья.

Братья прибыли вечером. Г. Шарада вспоминает, что была очень смущена. Когда Кришнамурти и Нитья приехали, она ждала их снаружи, на веранде. Вот как она описала Кришнамурти: «Он неопишуем... очень яркий, просто преисполнен света. У него была странная стремительная походка, и ростом он был намного выше остальных». Увидев его, девушка склонила голову. Поддразнивая ее, Кришнамурти закрыл лицо ладонями, как будто бы он ее не видел. Упрекая его, Нитья сказал: «Ну зачем ты так? Она просто застенчива, как и подобает индийской девушке».

Когда Нарьяньях увидел сыновей, чувства переполнили его, и он встал, чтобы их поприветствовать. Молодые люди совершили простирание перед отцом и прикоснулись лбами к его стопам. Нарьяньях обнял мальчиков и расплакался. Кришнамурти сел рядышком с отцом и, по словам Г. Шарады, «утешил его». Позже беседа зашла о миссис Безант. Отец и сыновья гово-

---

⁵³ *Theosophy in India*, Literary Digest (1974). Archives of the Theosophical Society, Adyar, Madras.

рили не на языке телугу, а по-английски. Братьям преподнесли специально приготовленные для них сладости и лакомства. Молодые люди были смущены, они не знали, как себя вести. От стеснения они почти не ели. Кришнамурти вообще отказался, а Нитья взял апельсин.

У Нарьянъяха был диабет и проблемы с желчным пузырем. Встреча с сыновьями очень разволновала мужчину, отчего ему понадобилось в туалет. В связи с этим он омыл стопы, как того требует ритуал. Позже кто-то истолковал это, как будто бы Нарьянъях помыл ноги, чтобы очистить их от прикосновения сыновей, которых он якобы считал париями⁵⁴.

Во время этого первого посещения братья пробыли у отца всего полчаса. По словам Г. Шарады, они еще раз навещали его три дня спустя, после чего визитов больше не было⁵⁵. Нарьянъях хотел зайти в Теософское общество, чтобы повидать детей прежде, чем они покинут Индию, но самый старший из сыновей удержал его от этого. Нарьянъях умер в 1924 году. Больше он своих сыновей так и не увидел⁵⁶.

---

⁵⁴ Mary Lutyens, *Years of Awakening* (London: John Murray, 1975), 136.

⁵⁵ В дневнике Кришнамурти на странице 36 есть описание встречи, которое отличается от того, что рассказала Г. Шарада. Когда я зачитала из своей рукописи вариант Г. Шарады, он сказал, что не помнит. Порой, когда он рассказывал о своем прошлом, его собственные воспоминания путались с тем, что ему рассказывали другие.

⁵⁶ Из моих дневников.

4. «Мама, пожалуйста, прикоснись к моему лицу. Оно еще на месте?»

В начале 1922 года Кришнаджи и Нитья отправились на пароходе из Коломбо в Сидней, Австралия, на проводившийся там съезд теософов. Кришна и Ч. У. Л. увиделись после одиннадцати лет разлуки, и молодой человек, кажется, был рад снова встретиться со своим старым наставником. В Сиднее на Ледбитера снова посыпались обвинения в гомосексуализме, и у серьезных теософов возникли разные опасения, которые Кришна постарался развеять.

Именно в Сиднее Кришна познакомился с Джеймсом Веджвудом. На тот момент Веджвуд был назначен епископом Либеральной католической церкви⁵⁷. И он, в свою очередь, в 1916 году рукоположил Ч. У. Л. в епископы Либеральной католической церкви Австралии. Ч. У. Л. был в восторге, ибо это означало не только впечатляющие ритуалы и роскошные церковные облачения, но и новую литургию, которая проводилась на английском языке.

Поскольку Нитья чувствовал себя не вполне хорошо, братья после съезда решили ехать в Европу, через Сан-Франциско и Соединенные Штаты. А. П. Уоррингтон, генеральный секретарь Теософского общества в Соединенных Штатах, тоже был на съезде в Сиднее. Он пригласил Кришну и Нитью погостить в Охае, Калифорния, на древней индейской территории неподалеку от Санта-Барбары, где царит сухой климат, отлично подходящий туберкулезникам. Перед их отъездом из Сиднея Ч. У. Л. получил от учителя К. Х. послание для Кришны, которое глубоко тронуло Кришну.

Путешествие было долгим, и Нитья очень плохо себя чувствовал во время плавания. Но в конце концов он поправился еще до прибытия в Калифорнию. Это был их первый визит в Штаты, и Кришна был очарован красотами тех мест. После прогулки по лесу секвой он сказал, что эти деревья величием своим напоминают храмы.

Кришну и Нитью поселили в Охае, в коттедже, построенном на живописном участке в шесть акров. Впоследствии Анни Безант купила эту собственность для братьев, и поместье было переименовано в «Арья вихара» – «Монастырь благородных».

Кришнамурти стал регулярно медитировать по утрам и был поражен тому, как легко его ум отзывался на занятия. Он обнаружил, что может удерживать в сознании образ Майтрейи в течение целого дня. Он говорил, что «сделался более спокойным и умиротворенным». Менялось все его мировоззрение. Начали открываться двери вовнутрь. Кришнамурти писал Ледбитеру из Охая:

Как вам известно, в течение многих лет я не принадлежал к числу людей, которых можно назвать «счастливыми». Все, к чему я прикасался, вызывало у меня неудовлетворенность. Вы знаете, мой дражайший брат, что мое душевное состояние было воистину плачевным. Ныне же я совсем не таков, каким вы меня видели в Австралии. И, естественно, я много размышлял о том послании, которое получил в Сиднее от учителя К. Х.⁵⁸

В августе 1922 года Кришнамурти пережил процесс интенсивного духовного пробуждения, которое полностью изменило течение его жизни. Согласно индийской традиции, йогин,

⁵⁷ Либеральная католическая церковь возникла в 1870 году в результате деятельности группы немецких католиков, восставших против проповедуемой Ватиканом доктрины о папской непогрешимости. Она ассоциировала себя со старой Католической церковью Голландии и получила некоторое распространение среди католических и англиканских священников, однако много приверженцев так и не обрела.

⁵⁸ Отчет о съезде *Star Congress*, Оммен, 7. Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас.

погружающийся в лабиринт сознания, пробуждает взрывную энергию *кундалини*⁵⁹ и совершенно новые поля психических явлений; он совершает путешествие в неведомые до того области ума. Считается, что йогин, прикасающийся к этим первозданным энергиям и проходящий мистическую инициацию, подвергается огромному риску. Его тело и ум сталкиваются с опасностями, могущими повлечь за собой безумие или смерть.

Йогин знакомится с тайными учениями и проходит через процесс пробуждения под наставничеством гуру. Когда йогин становится адептом, эти преобразования сознания разворачиваются на игровой площадке сознания в форме мистической драмы. Тело и ум пускаются в чрезвычайно опасное путешествие. При этом адепта окружают и хранят его ученики. Все происходит в атмосфере секретности и защитительной тишины.

В Охае Кришнамурти часто испытывал подобные переживания, рядом с ним были Нитья и Розалин Уильямс, теософ из Америки⁶⁰. Нитья и Кришнамурти послали Анни Безант по отчету об этом событии. В отчете Нитьи подробно и ярко описаны мучения брата. Кришну терзала боль, он терял сознание, звал мать на языке телугу, молил, чтобы его забрали в леса Индии, жаловался на грязь, просил Нитью и Розалин, чтобы они к нему не прикасались. Кришна говорил о присутствии великих Сущностей; тем, кто находился рядом, было очевидно, что Кришна-сознание опустошено, но вместе с тем возникло ощущение некоего великого Присутствия. Наконец, Кришна вышел из дома и сел под перечным деревом. В описании Нитьи – хоть оно и отягощено теософской терминологией – отчетливо видна растерянность, тревога и глубокая озабоченность состоянием старшего брата. Кришнамурти тоже написал отчет о произошедшем для миссис Безант:

17 августа я ощутил острую боль в затылке и вынужден был сократить медитацию до пятнадцати минут. Вопреки моим ожиданиям, боль не утихла, а только усилилась. Максимум своего она достигла 19 числа. Я не мог думать, не мог ничего делать. Друзья силой уложили меня в постель. Я пребывал почти в бессознательном состоянии, хотя в то же время прекрасно осознавал, что происходит вокруг. Я ежедневно приходил в себя приблизительно в полдень. В первый день, когда я пребывал в этом состоянии и наиболее четко осознавал происходящее вокруг, у меня было первое необычайное переживание. Я увидел человека, который ремонтировал дорогу; этот человек был я; и топор в его руках был я; и тот камень, который он обтесывал, тоже был частью меня; нежная травинка была самым моим существом, и стоящее рядом дерево тоже было мной. Я почти что думал и ощущал все то же, что этот дорожный работник, но одновременно чувствовал, как ветер треплет листья дерева и муравей щекочет своими лапками травинку. Птицы, пыль и даже шум – все это были частью меня. В этот момент мимо проехала машина. Я был водителем и мотором, и шинами. По мере того как машина уезжала прочь, я отдалялся от себя. Я был во всем, вернее, во мне было все, одушевленные и неодушевленные объекты – и гора, и червь, и все, что дышит. Я целый день

---

⁵⁹ *Кундалини* – это энергетическое начало, которое дремлет в человеке, пока он не пробудит его йогическими практиками. Кундалини уподобляют змею. Она пробуждается в основании позвоночника, позади репродуктивных органов, а затем поднимается по *сушумна-нади*, пронизывая и пробуждая чакры одну за другой, и в конце концов выходит через центр скальпа – отверстие Брахмы. Шесть чакр кундалини-йоги принято представлять как шесть центров взрывной, но дремлющей энергии, имеющей природу огня. Эти центры расположены вдоль позвоночного столба. Каждую чакру принято уподоблять цветку лотоса. Будучи пробужденной восходящей кундалини, или змеиной энергией, каждая чакра раскрывается и обращается вверх. По сторонам от *сушумны*, или центрального канала, проходят солнечный и лунный каналы – *ида* и *пингала* – обернувшись, словно змеи, около *сушумны*. В точке между бровями находится шестая чакра – ключевой энергетический узел. Когда раскрывается тысячелепестковый лотос на макушке, йогин обретает освобождение. Он несет внутри себя неисчерпаемый и неистощимый источник энергии.

⁶⁰ Подробности см. в книге Mary Lutyens, *Years of Awakening* (London: John Murray, 1975), 153–157.

пребывал в этом блаженном состоянии. Есть я не мог. Часов в шесть вечера я снова начал утрачивать свое физическое тело, и естественным образом моя физическая составляющая делала все, что ей заблагорассудится. Я пребывал в полубессознательном состоянии.

Утром следующего дня [20-го] было почти то же самое, что накануне. Есть я не мог и не мог терпеть присутствие слишком многих людей в комнате. Я ощущал их довольно любопытным образом, и их вибрации действовали мне на нервы. Вечером, опять-таки приблизительно в шесть часов, я почувствовал себя ужасно, как никогда прежде. Я не хотел никого видеть, не хотел, чтобы ко мне прикасались. Я чувствовал себя чудовищно усталым и слабым. Кажется, я плакал от изнеможения и от неспособности нормально управлять своим физическим телом. Очень неприятные ощущения в голове, как будто бы в меня вонзилось множество иголок. Когда я пребывал в этом состоянии, у меня, как и накануне, было ощущение, что моя кровать неопишимо грязная и липкая – лежать на ней просто нельзя. Внезапно я обнаружил, что сижу на полу, а Нитья и Розалин просят меня вернуться в постель. Я умолял не трогать меня и кричал, что кровать нечистая. Это продолжалось в течение некоторого времени, после чего я, в конце концов, побрел на веранду, где посидел некоторое время в полном изнеможении и немного успокоился. Я стал понемногу приходить в себя, и в какой-то момент мистер Уоррингтон [генеральный секретарь Теософского общества Соединенных Штатов] предложил мне присесть под перечное дерево, которое росло возле дома. Я уселся там, скрестив ноги, в медитативной позе. Посидев так некоторое время, я почувствовал, что выхожу из тела. Я увидел себя сидящим, и надо мной трепетали нежные листочки дерева. Лицо мое было обращено на восток.

Передо мной находилось мое тело, а над головой я увидел Звезду – яркую и ясную. Затем я ощутил энергетическую вибрацию Владыки Будды. Я узрел Владыку Майтрею и учителя К. Х. Я был необычайно счастлив, спокоен и умиротворен. Я все еще видел свое тело, паря над ним, и внутри меня был покой, словно на дне какого-то бездонного озера. Как озеро – я ощущал свое физическое тело бездонным озером. Как озеро – я чувствовал, что мое физическое тело, вместе с его умом и эмоциями, может пойти поверхностной рябью, но ничто – воистину ничто – не может потревожить покой моей души. В течение некоторого времени я ощущал рядом присутствие могущественных Сущностей, а потом Они ушли. Я был несказанно счастлив от того, что увидел. Теперь ничто не сможет оставаться прежним. Я испил вод чистого источника жизни, и душа моя утишилась. Никогда больше я не испытаю жажды, никогда не окажусь в полной тьме. Я узрел Свет. Я соприкоснулся с состраданием, исцеляющим от любой печали и боли – это сострадание не ко мне, но к миру. Я стоял на горной вершине и смотрел на могущественных Сущностей. Никогда больше не смогу я оказаться в полной тьме; я узрел этот величественный целительный Свет. Мне был явлен родник Истины, и тьма рассеялась. Любовь во всей ее славе опьянила сердце. Сердце мое больше никогда не сможет закрыться. Я испил из родника радости и бессмертной красоты. Я опьянен Богом!⁶¹

---

⁶¹ Архив Теософского общества, Адьяр, Мадрас.

В течение следующих десяти дней тело Кришны было спокойным, силы восстанавливались. Однако 3 сентября появились новые признаки: специфические ощущения в позвоночнике и выход сознания за пределы тела. Вскоре у него начались приступы острой боли. При этом присутствовали три свидетеля: Нитья, Розалин и мистер Уоррингтон. Нитья делал подробные записи, но он не понимал, что означают эти события. Впоследствии Нитья переслал свои записи миссис Безант, заверив подписью и проставив число – 11 февраля 1923 года. После этого они годами лежали в папке с несортированными бумагами в архиве Адьяра и были обнаружены только недавно. Нитья писал: «Мне трудно решить, следует ли попытаться представить научный отчет о происходящем, либо же описывать все это, как священную церемонию в храме. События принимали наиболее концентрированную форму каждый вечер около шести часов. Они имели приблизительно одинаковую продолжительность и заканчивались в одно и то же время поздно вечером – в восемь часов, а в некоторые дни длились до девяти»⁶².

Протекали события, видимо, в такой последовательности: каждый вечер Кришна медитировал под перечным деревом. 3 сентября после завершения медитации он вошел в дом в полубессознательном состоянии и прилег. Он начал стонать и жаловаться на сильный жар; некоторое время его трясло, а потом он обессилено обмяк на кушетке. Придя в полное сознание, он не помнил, что произошло, хотя и испытывал общее ощущение смутного дискомфорта. На следующий вечер симптомы повторились. 5 сентября он отправился в Голливуд, чтобы посмотреть драматическую постановку о жизни Христа. Он наметил этот поход давно и не хотел теперь отменять. Впоследствии Кришна сказал Нитье, что во время спектакля тем вечером он почувствовал, что постепенно теряет сознание, и только ценой больших усилий ему удалось кое-как сохранять бодрствующее состояние. Он вернулся в Охай вечером шестого. Вечер 7 сентября – на следующий день после полнолуния – выдался очень светлым. Нитья продолжал свой рассказ:

Когда Кришна встал из-под дерева, мы видели его совершенно отчетливо. В своем индийском наряде он был похож на призрака, двигавшегося по направлению к нам тяжелой шаркающей походкой, чуть покачиваясь и едва держась на ногах. Когда он подошел ближе, мы смогли разглядеть его глаза – это был странный мертвый взгляд. Хотя он нас видел, он никого не узнавал. Он все еще способен был говорить связно, но уже утрачивал сознание. Его шаткая походка казалась настолько опасной, что Розалин и Уоррингтон бросились к нему, чтобы поддержать, но он закричал: «Пожалуйста, не трогайте меня, о, пожалуйста, мне больно!» Затем он поднялся на веранду и улегся на кровать. Мы задернули все шторы, чтобы в помещении стало темно, несмотря на полную луну. Розалин села рядышком с ним. Вскоре он встал и сказал, обращаясь к собеседнику, которого никто из нас не видел: «Что! Да, я иду», – и зашагал вперед. Розалин попыталась его удержать, но Кришна сказал: «Со мной все хорошо. Пожалуйста, не прикасайся ко мне. Я в полном порядке», – при этом голос его звучал абсолютно нормально, разве что немного раздраженно. Обманувшись кажущейся вменяемостью Кришны, Розалин отпустила его, и, едва сделав пару шагов, Кришнамурти грохнулся ничком во весь рост, не понимая, где он упал и почему. Во всю длину веранды стояла лавка, из-под которой торчали какие-то ящики, но он совершенно не замечал ничего этого и просто падал куда попало. То было полностью неуправляемое падение, словно он потерял сознание. Время от времени он садился на кровати, бормотал что-то и с шумом валился назад на спину, а иногда и вперед – на пол. Кришна нуждался

---

⁶² Там же.

в постоянном уходе, однако, осознавая это, он приходил в раздражение и заявлял твердым голосом: «Со мной все в порядке. Пожалуйста, поверьте. Все в полном порядке». Но уже под конец этой фразы голос слабел. Все это время он стонал и метался, не в силах сидеть спокойно, бормотал что-то бессвязное и жаловался на позвоночник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.